

ОЛЬГА
РОМАНОВСКАЯ

ПРИТЯГАТЕЛЬНОЕ
ЗЛО

РАЗВОД ГОДА
КТО РАЗЛУЧИЛ?

ГРОМКОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
РАСКРЫТО

СРОКИ
НОВОС

Ольга Викторовна Романовская
Притягательное зло
Серия «Игра на опережение», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69126322

Аннотация

Пять лет назад я сбежала от бывшего начальника, испугавшись своих чувств, и похоже, Эмиль Лотеску мне этого не простил. Теперь он помощник министра, и боюсь, попытается отомстить мне, разрушить карьеру. Но я решила рискнуть и, получив заветное повышение, еду покорять столицу. Впереди меня ждет расследование крайне деликатного дела и новая встреча с тем, кого я пыталась забыть...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	71
Глава 7	85
Глава 8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ольга Романовская

Притягательное зло

Глава 1

С первой страницы купленной на станции газеты на меня смотрело его лицо. Я еще раз взгляделась в оттиск изобразительной магической карточки. Прямой, знающий себе цену взгляд карих глаз, чуть смуглая, как у всех южан, кожа, высокие скулы, идеальная, темный волосок к волоску стрижка. Не знаю зачем, я прочитала подпись. Словно мне это было нужно, и я могла его не узнать! Правда, сейчас вопрос стоял несколько иначе: помнил ли Эмиль Лотеску меня?

Первым желанием было скомкать газету и вышвырнуть ее в окно, но я справилась с искушением, просто кинула на столик еще пахнущие типографской краской листы и уставилась на редкие огни, мелькавшие вдоль железнодорожного полотна.

Казалось, купе второго класса наполнилось сладким ароматом его парфюма.

Сейчас я услышу чуть насмешливый голос... Хотя нет, ледяной, если бы хассаби вообще соизволил удостоить меня взглядом. Девять из десяти, что меня просто вышвырнули бы с работы, которую я с таким трудом получила, да еще

гарантировали невозможность устроиться внештатной уборщицей в привокзальный туалет. Эмиль Лотеску умел мстить. Он никому ничего не прощал. Помнится, сына камергера кара настигла спустя много лет, когда Лотеску получил дворянство, то есть стал хассаби. Со мной и вовсе просто. Всего один звонок...

– Какой красавец! – восторженно пискнула сидевшая напротив Инга, трепетно развернув брошенную в сердцах газету.

Она вместе с матерью ехала навестить брата, каким-то чудом поступившего в столичный университет.

Усмехнулась. О да, Лотеску умел очаровывать! Вот и Инге сумел вскружить голову обычной магической карточкой. Женщины от него млели. В силу прежней работы я была знакома с рядом его пассий. Актрисы, девушки из клуба, светские львицы – все они одинаково наскучивали хассаби спустя пару недель.

– Он женат.

Может, это жестоко, но я предпочла задушить романтические мечты Инги в зародыше.

– Жаль! – насупилась девушка, но тут же, сверкнув озорными серыми глазами, добавила: – Но это ничего не значит.

– Инга! – в ужасе шикнула на нее мать.

Спрятала грустную улыбку в уголках губ.

Инге семнадцать, она полна решимости перекроить мир под себя, а мне, увы, тридцать пять, и некоторые вещи значат

для меня слишком много.

– Так вы знакомы с хассаби?

Вторая спутница, Зария, пристально уставилась на меня. Неведомым образом она угадала, что нас с Эмилем Лотеску связывало большее, нежели я желала показать.

Пожала плечами и равнодушно обронила:

– Только заочно. О свадьбе писали в газетах.

Я врала. Вряд ли в Амб्रोстане нашелся человек, который знал Лотеску лучше меня. Кроме его родителей, сестры и братьев, разумеется.

Все внутри сжалось от страха. Зария что-то говорила, наверное, отчитывала дочь за сомнительные моральные взгляды: женатый мужчина – табу, я не слушала. Газета с его портретом насмешливо скалилась, в который раз напоминала, какая же я дура.

Вот почему опять?..

Сделав глубокий вдох, осмелилась бросить взгляд на до боли знакомое лицо.

А чего ты хотела, Лена, будто не знала, что он в Штайте. И, признай, до последнего тянула с переводом из-за жгучего стыда, хотя тебя чуть ли не пинком под зад выпроваживали с прежней работы. В первое же утро занявший место Лотеску ишт Блэр вежливо избавил меня от обязанностей секретаря и вернул в Отдел по работе с магией. После с завидной регулярностью, больше напоминавшей помешательство, намекал, что мне пора покорять новые высоты. Разумеется, не

в Нэвиле. Мол, отчего бы вам, Магдалена, не отправиться вслед за хассаби в столичную Карательную инспекцию, вас там с распростертыми объятиями примут. В переводе: мне тут стукачи не нужны, свою команду наберу. Откуда ему было знать, что ветер переменился, и после злополучной вечеринки Лотеску мечтал меня прикопать.

Тряхнула головой.

Нет уж, я не для того столько лет карабкалась вверх, выбралась из глухомани, чтобы, поджав хвост, вернуться домой, как Нэнси, таскать подносы в дешевом буфете. Или, как Глория, рожать детей и варить суп из куриных потрохов на всю неделю. Да и терпеть все эти шуточки... Мол, младшенькая Мери уже замуж вышла, а ты все нос воротишь.

– Интересно, какая у него жена? Наверное, тоже красивая. Голос Инги вырвал меня из мрачной задумчивости.

Пожала плечами:

– Понятия не имею.

Чистая правда, личность супруги Лотеску меня не волновала. Я услышала о его свадьбе случайно, в курилке. Сама я не страдала этой пагубной привычкой, любила постоять за компанию, поболтать с коллегами. Вроде, жена бывшего начальника – какая-то важная фифа, аристократка и всякое такое. Хассаби другую не выбрал бы. С его-то самомнением! Жаль бедняжку, изменять он ей станет на каждом шагу.

– Хотела бы я оказаться на ее месте! – мечтательно продолжила Инга.

Она любовно провела пальцем по изображению предмета своих грез. Придется подарить девчонке газету. Пусть вырежет изобразительную карточку и повесит в рамочку. Мне не жалко. Нас с Эмилем Лотеску ничего не связывало, а теперь и давно.

– Вы бы ему точно понравились, – неожиданно лукаво добавила Инга.

Взгляды соседок по купе сосредоточились на моем лице. Напрасно. Четырнадцать с хвостиком лет службы в Карательной инспекции, два из них в жерле вулкана под названием приемная Эмиля Лотеску приучили ко всему. Напрасно попутчицы надеялись на смущение, стыдливый румянец. Я и в двадцать лет не краснела, а в тридцать без всякого пиетета ругалась с вышестоящими.

– Разумеется, понравилась бы, – равнодушно обронила я. – Как и сотни других женщин. Одно время работала там, куда он часто навещался, наслушалась сплетен. Хассабии нравились любые симпатичные особы женского пола, лишь бы не скандалили и на все соглашались.

Инга заерзала на потрепанном жестком сиденье. Она буквально пожирала меня глазами. Зария тоже наострила уши, передумала ложиться спать. Но я не спешила делиться пикантными подробностями, вместо этого достала из сумки туалетный набор и направилась к двери в купе.

Стук колес убаюкивал.

Пассажиры большей частью либо уже спали, либо готови-

лись ко сну.

Увы, в отличие от первого класса, где туалетные комнаты находились в купе, во втором нужно было отстоять очередь в одну из двух общих, для женщин и мужчин, умывален в противоположных концах вагона. Пристроившись в хвосте желающих освежиться, от нечего делать изучала свое отражение в стекле. Раньше я все пыталась похудеть, а теперь смирилась с пышными формами, благо мужчинам они действительно нравились. Без ложной скромности, женщина я эффектная, тоже брюнетка... Тьфу, да отвяжется от меня Эмиль Лотеску или нет?!

Улыбнувшись проходившему мимо мужчине, мне не жалко, задумалась о превратностях судьбы. Я ведь могла пять лет трудиться в нэвильской мэрии – и вот стою в коридоре вагона, на всех парах несущегося в Штайт. Все же бумажки – это не мое. Я в свое время пришла на собеседование, послушала... и осталась в Карательной.

Пять лет прошло. Много это или мало?

Эмиль Лотеску теперь помощник министра магии, вряд ли мы встретимся, а если вдруг, то он давно забыл. Мне хотелось бы верить, что забыл, потому что, как выяснилось, я в деталях помнила ночь перед его отъездом из Нэвиля.

Я словно снова бежала, мечтая скорее вырваться из элитного жилого комплекса. Так торопилась, что по дороге потеряла сумочку. И свою голову тоже, раз в который раз все испортила. Кто не в курсе, Магдалена ишт Мазера – чемпион в

области ляпнуть, не подумав. Хотя лучше бы я тогда ляпнула, честное слово! Или напилась вдрызг, станцевала на столе с бюстгальтером вместо платочка – что угодно, только не то, что я в итоге сотворила.

Ночь провела у Алины, упросив сердобольного дежурного в участке позвонить: мой диктино остался в сумочке. Мне повезло, подруга, к слову, тоже бывший секретарь Лотеску, не ужинала с очередным кандидатом на роль прекрасного принца, иначе пришлось бы ночевать на лавочке в Парке королевы. В октябре это приравнивалось к самоубийству.

Наутро сумочку со всем содержимым доставили с посыльным. Ну да, хассаби слишком хорошо меня изучил, понимал, у кого я укрылась. Если бы он выбросил сумку в Адрон, не обиделась бы: заслужила. А Лотеску вернул. Без записки. К тому времени он уже сидел в вагоне первого класса.

Сделала глубокий вздох и вернулась в реальность.

Да что со мной такое? Подумаешь, мужчина! Даже не любовник, а так, бывший начальник. Радоваться надо, что от него избавилась, потому как характер у Эмиля Лотеску под стать шайтану. Ну, не поссорились бы мы, ничего бы не изменилось. Я бы ему звонить не стала. Вымаливать теплое местечко – не в моем характере. Прогибаться – тоже. По мнению родных и бывших, именно он, характер, мешал моему тихому семейному счастью. Их послушать, я должна бросить работу и тренировать улыбку «как скажешь, дорогой!» перед зеркалом. Помню, мой жених Гарет, имелся в свое время та-

кой, примерно так представлял наш будущий брак. Увы, его любовь сломалась о мою карьеру. Последующий опыт большого и чистого чувства и вовсе убедил, что счет в банке надежнее мужа. По крайней мере он не ославит тебя в газетах на все королевство.

– Можно?

Вертлявая Инга, перебросив полотенце через плечо, пристроилась рядом.

Пожала плечами. Стой, если хочешь.

Догадываюсь, девчонка сбежала от матери, чтобы наедине посплетничать о Лотеску. И действительно вопросы не заставили себя ждать.

– Вы сказали... Ну, – она ненадолго замаялась и кинула взгляд через плечо: не идет ли Зария, – что знали того мужчину из газеты. Мол, о нем разное говорили...

И глаза так жадно блестя! О-хо-хо, не пора ли пожалеть хассаби? Похоже, он обзавелся личным маньяком.

Улыбнулась.

– Боюсь, я тебя разочарую. Ничего такого, кроме того, о чем ты сама после узнаешь, о нем не рассказывали.

– И все же? – не унималась девчонка.

Вот прилипла-то!

Со страдальческим видом закатила глаза и монотонно начала перечислять:

– Маг, бабник, богач. Про каждого хассаби такое болтают! Нервно привстала на цыпочках.

Скоро там та женщины, заснула над умывальником? Может, мне тоже хочется быстрее скрыться от чересчур любопытной девицы. Спрашивается, зачем она прицепилась ко мне с Эмилем Лотеску? Стоит, глаза хитрющие – следовательно следователем! Увы, приходилось сталкиваться и не только по работе.

– Он вам нравится, правда? – вкрадчивым шепотом поинтересовалась наглая малявка.

Могла бы, в унитазе утопила! Мечтай ты себе о принце, целуй его перед сном, а меня не вмешивай.

– Нет, – излишне резко ответила я.

– Совсем-совсем? – не унималась Инга.

Похоже, она задалась целью вывести меня на чистую воду, только не на ту напала!

– Соперниц опасаясь? – обернувшись, нарочито беззаботно поинтересовалась я.

Внутри же все клокотало. Вот скажите на милость, почему все и вся упорно связывали меня с Эмилем Лотеску? Ну не спал он с секретарями, только поди кому докажи...

Думала, Инга стушуетя, опустит глаза, но она оказалась крепким орешком.

– Да. Вы красивая, и он вам нравится. Я сразу поняла, когда вы газету взяли. Побледнели вся... Он вас бросил?

Она участливо, словно полноценная взрослая, сжала мою руку.

От души рассмеялась, рискуя перебудить вагон.

– Нет, милая, он меня не бросал. Говорю же, мы шапочно знакомы. Сама посуди, где я, а где он?

Против воли в голос закралась горькая нотка.

А ведь, если разобраться, изначально мы были равны. Хассаби родился ишт Лотеску, представителем второго сословия, чем вечно тяготился. Я всегда льстиво обращалась к нему как к дворянину, когда требовалось получить разрешение через голову прямого руководства. Да, я не всегда перебирала бумажки в приемной, до гадкой истории, поставившей крест на моей вере в прекрасных принцев, восемь лет ловила незаконных магов.

– Вы таки его любили? – с придыханием спросила Инга.

Бедняжка расчувствовалась, пришлось одолжить ей носовой платок. Вот ведь восторженное создание, воспитанное бульварными романами! Теперь до самого Штайта не отвяжется! А мне кровь из носа надо выпататься, потому как завтра очень важный день.

Улыбка сама собой расплзлась от уха до уха. Неприятное послевкусие, оставленное изобразительной карточкой, окончательно развеялось. Мысленно я переступила порог собственного отдела, знакомилась с подчиненными. Самой не верилось! Пройти жесткий отбор, оставить с носом десятки конкурентов! Но если женщина чего-то хочет, она этого добьется.

– Нет, не любила. – Я легонько щелкнула озадаченную Ингу по носу. – Зато скоро стану такой же богатой и знамени-

той, как он. И ты будешь хвастаться, что ехала в одном купе с важной шишкой.

– Правда?

Глаза девушки широко распахнулись, сделав ее похожей на олененка. Хорошенькая она, пусть и не красавица. Может, и отыщет своего принца. Если женатые не смущают, могу поделиться кодом Лотеску, для хорошего человека не жалко. Взамен выдайте мне домик в коттеджном поселке и паромобиль. Несolidно в моем возрасте толкаться в парчеле. Потом уж собственными стараниями заведу отдельный кабинет с дубовыми шкафами. Личный секретарь станет каждое утро варить мне кофе и важно отвечать на звонки: «Госпожа ишт Мазера занята, что ей передать?»

Фантазии о дворянском титуле и должности главы столичной Карательной инспекции на старости лет прервала монотонная трель диктино. Бросив взгляд на код, скривилась. Ну да, если ты стерла кого-то из своей записной книжки, это вообще не значит, что человек в ответ сделал то же самое.

Недрогнувшей рукой отклонила вызов и дала Инге бесплатный совет:

– Запомни, секс не повод для отношений.

Девушка покраснела. Похоже, я переоценила степень ее взрослости, но слов обратно не вернешь, пусть считает меня развратной теткой.

Хотя нет, любопытство победило страх. Убедившись, что нас не подслушивают, а, главное, мать не спешит присоеди-

ниться к теплой компании, Инга, запинаясь после каждого слова, чуть слышно спросила:

– А это больно?

Что – «это» и так понятно. Ладно, поработаю старшей сестрой.

Однако просветить подрастающее поколение не успела: диктино вновь потребовал внимания. Наверняка опять неугомонный ухажер!

Мы с Юзефом познакомились в ночном клубе незадолго до отъезда из Нэвиля, переспали. Ничего такого, мне, как любой здоровой женщине, иногда требовался секс, а он отчего-то решил, будто у нас всерьез, названивал по десять раз на дню. Зачем? Порадовался бы бесплатному сексу без обязательств и склеил очередную подружку. Я ведь ему в любви не клялась, вообще о чувствах не говорила – сразу в постель. И после этого мужчины обвиняют женщин в жажде окольцевать первого встречного!

С облегчением, благо подошла моя очередь, укрылась в умывальной комнате и приняла вызов. В некоторых случаях без бурного выяснения отношений не обойтись.

– Послушай, – сразу ринулась в наступление, не позволив собеседнику даже поздороваться, – секс был чудесный и всякое такое...

На том конце невидимого канала связи усмехнулись. Зло так, многообещающе. Мол, ну-ну, птичка, последнее слово останется за мной. Нахмурилась. Это совсем не в духе Юзе-

фа. Он обаятельный весельчак, на пару лет моложе меня.

– Юзеф? – неуверенно окликнула я, сообразив, что код другой, незнакомый.

Хотя бывший любовник мог одолжить диктино у приятеля. Быстро же, буквально за пару минут! Только как-то подозрительно тихо, не слышно ни шума улиц, ни грохота музыки танцпола, будто при разговоре в приватном режиме. Только вот Юзеф продавец обуви, дорогой диктино с прибабасами ему не по карману.

Страх липкой струйкой пота скатился по позвоночнику. В горле пересохло. Умывальная комната поплыла перед глазами, и я судорожно уцепилась свободной рукой за раковину. Неужели кошмар вернулся?

Тайрон. От одного его имени меня парализовало.

Он любил меня, очень любил, как и я его, но некромантию и свою бредовую идею идеальных людей-марионеток все же любил больше...

Да нет, бред!

Дрожащими пальцами поправила «усик» диктино и мельком глянула на свое отражение. Белая как смерть!

Мой настоящий прекрасный принц, не тот, которого выдумала Инга, и спустя семь лет вызывал дрожь. Но он не мог выжить, под водой, без доступа воздуха гибнут даже самые сильные маги. Я собственными глазами видела его труп.

Поезд в очередной раз мотнуло. Прикосновение холодного металла раковины вывело из ступора.

Мне не двадцать девять, мне тридцать пять, и я не дам себя запугать.

– Эй, послушай, кто бы ты ни был, – поправив сползший выдвижной микрофон, я говорила спокойно и уверенно, – хватит молчать! Если не бросишь свои глупые розыгрыши, знай, подобные дела в судах быстро рассматривают, хулиганку я обеспечу. Если захочу, еще преследование припаяю, а это совсем другой срок. Заметь, милый, я действительно могу. Завтра же твое имя завтра окажется на моем столе.

Собеседник фыркнул. Показалось, или злость ушла, сменилась удовлетворением.

Щелчок, и разговор оборвался.

Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я не шутила и спозаранку, чтобы даром не будить человека, собиравшись реализовать угрозу.

Глава 2

Столичный экспресс прибыл на вокзал точно по расписанию – в одиннадцать утра. Он медленно, торжественно вполз под хрустальную крышу вокзала и, выпустив последнее облачко пара, замер на первой платформе, одной из двенадцати. А что вы хотели, Штайт – столица, а не захолустье. Прежде мне приходилось бывать здесь, правда, тогда я путешествовала первым классом и за чужой счет.

Заиграл гимн Амб्रोстана. Инга и Зария вздрогнули от неожиданности, а я уже знала, так встречали экспрессы.

С попутчицами распрощались на перроне. Они остались ахать, рассматривать витражные переходы над дебаркадерами и мозаичное панно с пейзажами Амб्रोстана, а я прямоком направилась к бронзовой надписи: «Добро пожаловать в Штайт!»

Свистели маневровые паровозы, отцепляя и прицепляя вагоны. Туда-сюда сновали носильщики с громкими криками: «Поберегись!» Суета царила невообразимая! Особенно возле выхода для пассажиров третьего класса. Казалось, половина королевства столпилась на вокзале в надежде начать новую жизнь. Ничего, Штайт большой, всех примет. Кого-то перемелет и выплюнет. Кого-то закинет на рабочие окраины, которые мы проезжали час назад. Ну а кто-то вытянет счастливый билет.

Нанятый тут же, на платформе, носильщик легко катил мой нехитрый багаж к стоянке извозчиков. А ведь в этих баулах вся моя жизнь... Хреновенькая она была, Лена, раз уместилась в два чемодана и саквояж! В Нэвиле я жила на съемной квартире, пользовалась почти всем хозяйскими, пришлось упаковывать лишь одежду. Но ничего, теперь я разживусь! В следующий раз, если надумаю переезжать, придется покупать места в почтовом вагоне.

Извозчик нашел меня сам. Их тут тьма-тьмушая, как завидят важного господина или госпожу, сразу свои услуги предлагают. А я сегодня – хассаби хассаби!

Поймав свое отражение в зеркале зала ожидания, приосанилась. Прекрасно выгляжу, просто шикарно, несмотря на недосып из-за проклятого шутника. Настоящая начальница, дама.

Для знакомства с руководством и подчиненными я выбрала строгий брючный деловой костюм и лиловую шелковую блузу с бантом. Она делала мои серые глаза глубже, выразительнее. Безусловно, я могла бы надеть юбку, благо фигура позволяла, и ноги от ушей (ладно, почти от ушей), но я приехала не кофе носить, а командовать. Образ довершала элегантная шляпка с черной вуалеткой и туфли на высоком, но устойчивом каблуке.

Мысленно послав себе воздушный поцелуй (все получится, Лена, они штабелями лягут, на задних лапках прискачут), решительно пересекла зал и вышла на залитую солнцем при-

вокзальную площадь.

Ну, здравствуй, Штайт!

Какой же он огромный, какой яркий и шумный!

Прямо на меня смотрела голографическая реклама нового ночного клуба на стене шестиэтажного дома. А ведь это не предел, тут не Нэвиль, попадались даже семиэтажные здания.

Проследив, чтобы вещи погрузили в нужный паромобиль, быстро набрала код Марка. С самого утра, как планировала, поговорить с ним не вышло, придется сейчас. Не в салоне же машины.

– Я сейчас! Пару минут! – махнула рукой извозчику и отошла к краю стоянки, чтобы никто не мешал.

С Марком ишт Нару мы познакомились во время истории с Тайроном. Ликвидатора назначили моим телохранителем. Я тогда боялась собственной тени, встретила Марка неласково. Потом он едва не погиб по моей вине. К счастью, восстановился и даже заступил обратно на службу в Карательную инспекцию Нэвиля.

Как следовало из названия профессии, ликвидаторы задерживали и уничтожали магических субъектов вне закона, работали в тесной связке с полицией, хотя умели гораздо больше. Бравые ребята, настоящие герои! А иначе нельзя, ведь им противостояли не шулеры и гадалки. Последними в основном занимались мы, служащие Отдела по работе с магией. Впрочем, не только – всеми, кто не желал получать ма-

гическую лицензию. Проверяли, выслеживали, выводили на чистую воду и сдавали полиции. Так же нас привлекали для расследования преступлений с магическим следом.

Карательную инспекцию называли наследницей инквизиции. Мы действительно занимались только теми, кого надлежало вернуть в русло закона. Те же разрешения на работу получали в Ведомстве магии. Оно же разрабатывало различные циркуляры, частично регламентировало нашу работу. И все же, несмотря на то что главе Карательной периодически приходилось бывать в Ведомстве с докладами, мы стояли на ступень выше. Но ниже министерства, разумеется.

– Привет! – сердечно поприветствовала Марка и, заслышав на том конце писк клаксона, встревоженно поинтересовалась: – Надеюсь, ты не за рулем?

– Говори, не мешает.

Выходит, угадала.

У Марка зеленый паромобиль. Ликвидатор частенько подвозил меня до работы, благо я жила по пути, всего в паре квадрантов от инспекции. Многие считали, будто у нас роман. На самом деле мы друзья. Не смейтесь, дружба между мужчиной и женщиной существует. А кто в нее не верит – не мои проблемы.

– Слушай, у меня деликатное дело. – Нервничая, покосилась на ожидавшего меня извозчика и жестом показала: еще минуту. – Нужно пробить владельца одного кода, но неофициально.

– Когда ты что-то делала официально? – беззлобно уколол Марк.

– Тебя послушать, я главная преступница королевства, – обиделась я.

Подумаешь, частенько делала экспертизы по знакомству, порой без нужных бумаг, так все во благо Амбростена.

– Ладно, чего там у тебя? – замял конфликт Марк. – Давай код, постараюсь добыть имя владельца.

Быстро продиктовала заранее записанные на салфетке цифры и, поблагодарив, отключилась.

Ну вот, теперь можно и в столичную Карательную, представляться. А потом... Тут я страдальчески поморщилась. Ненавижу поиски жилья! Но нужно скорее им обзавестись, гостиницу моя банковская карта не осилит. Пару ночей там, конечно, провести придется. Тоже проблема: нужна недорогая, чистая и относительно недалеко от работы. Ладно, все это мелочи. Ты не без языка и мозгов, справишься.

Откинувшись на выдавшее виды сиденье, гадала, как примет новое начальство.

В бытность главы столичной Карательной инспекции Лотеску хорошо почистил кадры, выгнал всех ставленников предшественника. Не без основания, разумеется, учитывая мутную историю, в которую тот ввязался. Мне она едва не стоила жизни. До сих пор помнила тот липкий страх, фигуру убийцы, медленно вскидывающую руку с парциленом... Он ведь стрелял на поражение, не выставил парализующий ре-

жим. Тогда я повела себя как героиня романа, о чем теперь сожалела. Наверное, проклятая вечеринка по случаю отъезда Лотеску прошла бы в ином ключе, ограничься я парой месяцев до нее сухим «спасибо». Хотя тогда мне казалось... «Когда кажется, выпей воды и подумай снова, – едко прокомментировал внутренний голос. – И хватит уже мусолить давнюю историю! Спас и спас, было и прошло».

Лениво следя за пейзажем за окном, напомнила себе о более приятных моментах. Их во время моего прошлого столичного вояжа хватало. К примеру, танец с нынешним министром магии, Габриэлем Шанси.

Кокетливая улыбка тронула губы.

Достав зеркальце, поправила и без того безупречную – даром полчаса в умывальной комнате мучилась! – прическу.

Зачем ты переживаешь, чего боишься? Ты до сих пор привлекательна, овал лица не поплыл, округлости в нужных местах никуда не делись. Помнится, Шанси они очень нравились. Он даже звал работать к себе. Вот возьму и закручу роман с министром! По-моему, Шанси не женат, а если сподобился, это тот случай, когда статус любовницы выгоднее. Почему? Жены аристократов и высоких чиновников не работают. Им положено скучать в огромных апартаментах, выбирать на аукционах вазочки для каминных полок, время от времени рожать детей и загорать на палубах яхт. Считайте меня ненормальной, но подобная жизнь казалась мне синонимом беспробудной тоски. Тюремным наказанием, если

угодно. Я хотела работать. И я буду работать. Точка! Не только ради денег, хотя те, кто поют про счастье с парой медных рхетов в кармане, бессовестно врут. Я не кукла, не дура, не приложение к кому-то. Я навсегда останусь Магдаленой ишт Мазерой, а не женой господина такого-то.

А с Шанси немного полюбезничать надо. Вдруг «хас-саби-Большое-эго» действительно взбредет в голову мне мстить? Начальник его быстро урезонит, а там уж я сама закреплюсь в Штайте, обзаведусь связями. Пфф, не выйдет в Карательной, в репортеры продамся. Стану писать такие статьи, что половина королевства будет мечтать меня придушить, а вторая – закопать. В журналистике чем скандальнее, тем лучше. Слог у меня хороший, язык хорошо подвешен – словом, фига вам с маслом, в столице я надолго. Кому не нравится, вокзал имеется. Хочешь, просто уезжай, хочешь под колеса с досады и злости бросайся. Жаль, в столице реки нет, негде недовольных топить.

* * *

Местная Карательная инспекция занимала высокое, в пять этажей, крайне занятое здание. Выполненное из кирпича и стекла, оно разительно отличалось от привычной архитектуры. Внутри, наверное, всегда светло. Угу, а зимой – холод собачий.

Однако вырисовывалась проблема: куда девать вещи? Ни

квартиры, ни гостиничного номера я снять не успела. Безусловно, можно попросить извозчика подождать, но я и так изрядно потратилась на поездку. Цены в Штайте столичные, а доходы у меня пока нэвильские. В итоге попросила перенести свой нехитрый скарб в холл, сложить за какой-нибудь выполненной из стекла и металла колонной. Сама же, нацепив на лицо официальную приторную улыбку, направилась к стойке дежурного секретаря. Без пропуска дальше фойе не пройдешь. Интересно, мне сразу оформят постоянный или выдадут временный?

Сверху, сбоку, может, и снизу за каждым моим шагом наблюдали десятки наружных кристаллов. Они записывали абсолютно все, что происходило в здании и вокруг него. Информация стекалась к службе безопасности. Кристаллы меняли каждый месяц, хранили в течение пяти лет, а после утилизировали. Подобный регламент не раз выручал, когда требовалось разглядеть лицо подозрительного субъекта или проверить местонахождение того или иного сотрудника в определенный момент времени. Если бы мы делали как в банках, то есть сразу, через месяц, писали информацию поверх старой, многие служебные расследования зашли бы в тупик. Это ведь не дело пяти минут, за человеком порой наблюдали годами. Да и качество при повторной записи оставляло желать лучшего. Не люди, а тени!

– Добрый день! Что вам угодно?

Шатенка в строгом сером костюме оторвала взгляд от изо-

проектора и переключила его на дежурный режим, однако я успела заметить какие-то таблицы.

Вместо ответа протянула удостоверение личности и важно представилась:

– Магдалена ишт Мазера, новый начальник Отдела по работе с магией.

Секретарь внимательно проверила голограмму, даже поскребла ее пальцем, после попросила встать на специальный круг на полу:

– Простите, формальность.

Понимаю, надо убедиться, что я – это я, а не маньяк какой-нибудь. Сейчас с меня быстро снимут временную голограмму, загрузят в изопроектор и сличат с базой данных.

Щекотно!

Прикрыла глаза, чтобы лучи не слепили. На качество голограммы это не повлияет. Я не ученый, не в курсе, как все работает, но хоть линзы надень, а поверх – маску для сна, система опознает истинный цвет глаз.

– Готово! – окликнула меня дежурный секретарь.

Судя по приветливому тону, в базу убийц и ведьм без регистрации меня не внесли.

– Вам нужно будет сделать постоянный пропуск. Обратитесь в службу охраны, вон туда, – она махнула рукой направо, на неприметную серую дверь. – Я пока оформлю временный, на основе сегодняшней голограммы. Но, пожалуйста, смените в течение месяца.

Кивнула и немного обождала, пока секретарь сбегала за новеньким пропуском. С него горделиво смотрела моя физиономия... с закрытыми глазами. М-да, сегодня же поменяю.

– О вас предупредили, – продолжала щебетать секретарь. – СБ, простите, служба безопасности заранее заготовила болванку. Добро пожаловать, госпожа ишт Мазера! Надеюсь, вам у нас понравится.

Кивнула и хотела приложить пока неполноценную, без отпечатка пальца карточку к считывающему устройству, но шатенка задержала.

– Простите, совсем забыла! – виновато улыбнулась она и, наклонившись, извлекла из-под стола букет шикарных темно-красных роз. – Просили передать.

– Кто?

Оторопело уставилась на цветы. Крупные бутоны, мясистые листья. Не корзина – роз всего пять, но все равно смотрелось солидно. С таким букетом можно смело идти на день рождения. Стебли перехвачены стандартной лентой. Записки нет, разве только секретарь тоже прятала ее под столом.

– Понятия не имею, – развела руками шатенка. – Принесли утром с посыльным.

Судя по взгляду, она мне чуточку завидовала. Ничего, секретарь еще молода, найдется поклонник, который завалит ее розами.

– Утром? – нахмурилась я.

– Да, в девять тридцать, – чуть задумавшись, назвала точное время собеседница. – Я как раз подсчитывала гостевые пропуска.

– И с чего вы решили, будто это мне?

Я по-прежнему не спешила брать букет. В свете вчерашнего звонка он казался подозрительным. Цветы можно обработать ядом – да мало ли что еще!

– Мне так сказали, – с легким раздражением ответила секретарь. – Я расписалась, приняла. Названия салона не спросила. Что-то еще?

Показала головой и щелкнула фермуаром ридикюля. Вот уж не думала, что в первый же рабочий день придется воспользоваться детоскопом! С помощью этого чрезвычайно полезного прибора можно изучить землю или предмет на наличие магической энергии, отследить экранации заклинаний. Правда, для полноценной работы нужно перестроить зрение и, желательно, вколоть под кожу ампулу усилителя магического потенциала. Увы, я родилась обычным человеком, с низшим, четвертым уровнем дара. Самым высоким считался первый. Чем меньше цифра, тем выше магические возможности. У меня их не было вовсе.

Странно! Как я ни крутила цветы, ничего не видела. Маг их не касался, даже в руки не брал, не то что заклинания какие накладывал. Оставался яд, но такое детоскопом не определишь, нужно отдать на анализ в лабораторию.

Убрала прибор в сумочку и, попросив дежурного секрета-

ря присмотреть за вещами, потопала к сканеру. Розы, само собой, тоже прихватила. Не могла я их бросить, шатенка и так подозрительно на меня косилась. Наверняка приняла за сумасшедшую.

Несмотря ни на что, сердце мое радостно трепетало.

Я в столичной Карательной! Девчонка с полустанка, дочка столяра, третий ребенок в многодетной семье! Нас у родителей пятеро, но только я выбилась в люди. Более-менее успешным можно назвать еще Томаса. Брат стал землемером, неплохо устроился по меркам нашего захолустья. Мы с ним иногда созванивались, болтали о том о сем. А вот с сестрами я не общалась, слишком уж разные.

Поймала себя на том, что улыбаюсь своему отражению в зеркале подъемника. Он нес меня на самый верх. И буквально, и метафорически – мне предстояло предстать пред светлыми очами начальства.

Шайтан, как я боялась стусеваться, ляпнуть что-нибудь не то! А ведь я готовилась, заранее выучила наизубок общедоступные сведения по всей троице: главе Карательной инспекции и двум его замам.

Вот уж не думала, что цветы придутся кстати. Можно уткнуться в них лицом, спрятаться...

Когда табло подъемника показало цифру «пять», бывая эйфория сменилась паникой. Неудивительно, что аж подпрыгнула от пиликанья диктино. Кое-как зажав букет подмышкой, приняла звонок.

– Значит, так, Лен, – серьезный голос Марка заставил и без того частый пульс подскочить до ста пятидесяти ударов в минуту, – у меня для тебя плохие новости.

– Это я уже поняла, – вздохнула я и вышла в этажный холл. – Давай уже, не тяни! Мертвец восстал из гроба? Абель Бернард решил порезать на ремешки за порушенную карьеру?

Я имела в виду бывшего министра магии, осужденного за измену, шпионаж и много чего другого. Собственно, за пособничество Бернарду в свое время полетела голова позапрошлого, еще до Лотеску, главы столичной Карательной.

– Без понятия. Этого кода не существует – огорошил приятель.

– То есть? – нахмурилась я и чуть не выронила букет от удивления.

– Он служебный, одноразовый. Такими часто пользуются в полиции во время спецопераций.

После слов Марка мне стало все равно, что и как я скажу в кабинете начальства. Главные проблемы притаились совсем в другом месте. Еще бы понять, кто объявил на меня охоту!

Глава 3

Не сразу сообразила, что с самым глупым видом стою неподалеку от подъемника, мешая другим пройти. Сотрудники с интересом косились на меня, терпеливо обходили. Представила, как выгляжу со стороны, и фыркнула. Ни дать, ни взять актриса в мизансцене «меня бросил любовник, а на прощание прислал букет роз». Мотнув головой, перехватила букет удобнее и направилась к приемной главы инспекции. Надеюсь, он не подумает, что цветочки ему. В наш продвинутый век женщины тоже иногда кавалеров задабривают.

Этажный секретарь мазнула по мне взглядом, но промолчала. Судя по мимолетной улыбке, приняла не за сотрудника, а чью-то пассию.

Что-то мне разонравился мой костюм. В сочетании с букетом он действительно смотрелся недостаточно официально. Но не переодеваться же в туалете! Чужое время надо уважать, если тебе назначено на двенадцать, то и приходить надо в полдень, потому как в двенадцать ноль одну твоя карета превратится в тыкву и вместе с тобой покатится вниз по карьерной лестнице. То-то обойденные соискатели порадуются! Вдоволь попинают, ускорение придадут. К тому же костюм делает человека ровно наполовину. Остальное – заслуга головы.

Все то же, но чужое.

На меня нахлынули воспоминания о нашем административном этаже, моей приемной. Нет, я не оговорилась. Эмиль Лотеску властвовал в кабинете, зато в приемной заправляла я. Почти как в анекдоте про официанта: захочу, письмо зарегистрирую, захочу, в уничтожитель кину.

Сколько же здесь света! Он лился через витринные окна холла, утопавшего в зелени. Столичные коллеги предпочитали цитрусовые и карликовые пальмы.

В воздухе витал легкий запах вербены. Приглядевшись, заметила специальный диффузор. Дорого, богато! Столичная Карательная умела пускать пыль в глаза.

Хм, секретарь уже другая. Прежнюю, времен смертельного столичного вояжа, я помнила смутно, но она точно не пользовалась алой помадой. Надо спросить адрес магазина, я давно охотилась за таким чистым, без рыжины оттенком. Не для работы – помимо нее тоже существовала жизнь.

– Доброе утро! – Блондинка с не менее эффектной, чем губная помада, укладкой, отложила в сторону незаконченное письмо и поднялась, чтобы с улыбкой меня поприветствовать. – Госпожа ишт Мазера?

Важно кивнула. Она самая.

– Я Селина, секретарь хассаби Лорана Огнеда, главы Карательной инспекции, – представилась красotka. – Селина ишт Дей, если официально, но все зовут меня просто Селиной.

Догадываюсь, что под «все» она понимала узкий круг лиц,

а не рядовых сотрудников.

– Хассаби Эвре Тонк уже подошел, – доложила Селина. – Господин ишт Брокер тоже скоро будет. Возможно, присоединится наш начальник службы безопасности.

И заботливо предложила:

– Поставить цветы в вазу? Так приятно, в первый же день вас кто-то поздравил! Знакомый? Жених?

– Скорее незнакомый, – хмыкнула я и отдала Селине розы. Не с ними же в кабинет Огнеда вваливаться! – И жутко стеснительный.

– Таинственный поклонник, – понимающе кивнула секретарь и, пододвинув стул к шкафу, забралась на него, блеснув тесно обтянутой юбкой пятой точкой. – Ждите приглашения на ужин.

Тьфу и еще раз тьфу! Трижды сплюнуть через плечо. Знаю я, какие ужины у анонимных маньяков!

Селина сняла со шкафа аляповатую вазу и, доложив по селектору о моем приходе, удалилась в туалет, налить воды.

Поколебавшись, положила изрядно помятый букет на стол и, сделав глубокий вдох, постучала в дверь с начищенной до блеска табличкой: «Глава Карательной инспекции».

– Входите, входите! – приветливо донеслось из кабинета.

Замок щелкнул, дверь распахнулась. Ну да, оба: Огнед и Тонк, – маги. Уровень потенциала примерно одинаковый – около двух с половиной. Не шибко много, но и не мало.

Досчитав до трех, шагнула в клетку с новым начальством.

Кабинет, даже казенный, отражал пристрастия владельца. К примеру, Эмиль Лотеску коллекционировал старинные имперские фолианты, когда как Лоран Огнед предпочитал заполнять полки наградами и сводами законов. Не обошлось без цветов и пары картин в бронзовых рамах. Но все равно кабинет казался полупустым. Возможно, из-за его размеров, хотя мебели здесь хватало, даже кожаный диван имелся. Не для посетителей – на случай, если начальнику вздумается прилечь, отдохнуть от дел праведных.

Лоран Огнед устроился в торце «т»-образного стола, за которым можно было смело проводить совещания. Удобно, не надо перебираться в переговорную. По правую руку от него устроился Эвре Тонк, первый зам. Лоран – зеленоглазый шатен, Эвре – зеленоглазый блондин. Оба средних лет. Первый женат, второй разведен, в одиночку воспитывает двоих детей.

– Приветствую!

Поправ протокол, Огнед поднялся, протянул руку, поздоровался первым. Крепко пожала ее, выразив надежду на долгое и плодотворное сотрудничество.

– Искренне на это надеюсь, – кивнул Огнед и опустился обратно в массивное кожаное кресло. – Благо как раз представился случай это самое сотрудничество начать. Насколько мне известно, вы уже имели дело с миром богемы, высшими слоями общества?

Кивнула, наострив уши.

Дело, первое дело!

Сердце радостно трепыхалось. Да, я такая, не нужны мне пирожные, дай поработать.

– Эвре, – обратился к первому заму Огнед, – пожалуйста, после совещания введите Магдалену в курс дела, представьте отделу.

Тонк кивнул и пододвинул мне тонкую папку с порядковым номером три тысячи шестнадцать.

– Возникнут вопросы, поднимитесь ко мне. Вот мой личный код. Ниже служебный.

Он вырвал лист из блокнота и быстро набросал два ряда цифр.

Ну да, начальник отдела, подобного моему, работает в связке с первым замом. Огнед, так, надзирает, вмешивается крайне редко.

Меня разбирало любопытство. Что там за богема такая? Так и подмывало дернуть за завязки папки, заглянуть внутрь, но всему свое время.

– А я вас помню, – неожиданно улыбнулся Огнед. – Вы танцевали с нынешним министром магии на королевском балу. Да, – добродушно рассмеялся он, – ну и фурор же вы произвели своим платьем! Половина мужчин в зале жаждали вашего внимания, а ваш тогдашний начальник жутко ревновал.

Кончики ушей покраснели. Начинается!

Тонк, словно увидев впервые, с интересом уставился на

меня. Ну да, из рядовой девицы я вдруг превратилась в роковую женщину.

– Боюсь, хассаби изрядно преувеличивает. – Насчет всего, кроме платья. – Особенно в отношении наших отношений с хассаби Эмилем Лотеску.

Нужно сразу пресечь слухи. Вижу по глазам, Огнед мне не верит, но чистая правда же! Какая ревность? Желание – возможно. Да с тем платьем меня не хотел только импотент! Все прикрыто, но вместе с тем понятно, что надето на голое тело.

– Вам виднее, госпожа ишт Мазера, – дипломатично согласился Огнед и на всякий случай добавил: – Я не деспотичный руководитель, не вмешиваюсь в личную жизнь сотрудников. Лишь бы только не мешало работе, а так нарушайте мораль сколько угодно.

– Спасибо, учту, – не знаю зачем, брякнула я.

На мое счастье дверь снова открылась, а то неизвестно, куда бы завел меня дерзкий язык.

А вот и единственный «ишт» посреди хассаби.

Давид ишт Брокер без малого четыре года курировал Отдел ликвидации, по слухам, строил второй загородный дом, больше первого. Словом, вполне вольготно устроился на денежки родни-банкиров. А ведь Брокер молод, моложе меня на два года. Вот к чему надо стремиться! Внешность тоже не подкачала. Если тот же не к ночи помянутый Лотеску – типичный знойный южанин, то Брокер – уроженец востока.

Отсюда чуть раскосые болотные глаза (хм, похоже, руководящие должности здесь раздавали по цвету радужки), слегка тронутая загаром кожа, непривычно длинные для мужчины темно-русые волосы, собранные в идеально подстриженный хвост. Словом, принц принцем! Налетай, торопись, окольцовывай, если справишься. Инге бы понравился.

С мечтательной грустью вспомнила свою юную попутчицу. Как там она, не засосала ли трясина столичных соблазнов? Хуже нет, когда мнишь себя взрослой, а на самом деле ребенок ребенком. По себе знаю.

– Оказывается, вы чрезвычайно известная особа, Магдалена! – сходу включился в беседу Брокер и, подмигнув, добавил: – Хассаби не прав, некоторые личные отношения, наоборот, стимулируют работу. Кто знает, может, вы завяжете такие под крышей моего дома.

Я нахмурилась. Огнед тоже не оценил столь откровенное предложение, и второй зам поспешил разъяснить двусмысленную ситуацию:

– Речь о вечеринке. Я всех приглашаю. И вас тоже, Магдалена.

Профессионально оценив размер моего бюста, Брокер заверил, будет весело, а мое присутствие и вовсе превратит сие мероприятие в прием года. Ага, как же! Обойдусь без трехминутного счастья. Но Брокеру пока не нужно об этом знать, пусть развлечется фантазиями. Все же тяжело мужику с ликовидаторами! Вечно на нервах – и ни одной женщины, кроме

собственного секретаря. Да и ссориться с Брокером в первый же час работы – перебор, всегда успею. К тому же я вряд ли окажусь самой привлекательной особой на вечеринке, найдется, кому скрасить хозяйских досуг. Сама же огляжусь, может, заведу полезные связи. Словом, обещала быть и сиять.

– Ловлю на слове! – подмигнул Брокер. – Вы приносите удачу всем, с кем танцуете. Вдруг и мне повезет, тоже получу повышение.

– И кого же вы намерены подсидеть? – занервничал Тонк и чуть ослабил воротничок рубашки.

Сделала мысленную пометку. Может, Эвре Тонк и первый зам, но положение его шатко, иначе он столь болезненно не отреагировать на глупую шутку коллеги. Тот же Огмед даже бровью не повел. Выходит, за его спиной серьезные покровители, а за Тонком никого.

– Разумеется, меня, Эвре, – мягко улыбнулся Огмед. – Что толку менять кресло одного зама на другого? Хотя вдруг наш Давид вздумал тягаться с Шанси? А, как далеко простираются ваши амбиции?

Брокер промолчал, но что-то такое мелькнуло на его лице... Не потянет. Не всякому ловеласу покорится политика. Она дама с норовом и отличным хуком справа.

– Вас, наверное, удивляет наше неформальное общение? – обратился ко мне Брокер. Он напоминал вальяжного, сытого кота, позволяющего мышам резвиться перед своим носом. – Я слышал, в Нэвиле принята жесткая дисциплина.

Благодаразумно промолчала. Не признаваться же, что, если дела шли хорошо, дисциплина хромала на обе ноги. Сама грешна, каюсь.

– Мы стараемся поддерживать дружескую атмосферу в управлении, пресекаем любые конфликты. В свете известных событий это важно.

Ну да, новые шпионы и преступники столичной Карательной не нужны, ее репутация и так была изрядно подмочена пять лет назад.

– Постараюсь продолжить ваши начинания во вверенном мне отделе.

Другого ответа от меня не ожидали.

– Прекрасно! – удовлетворенно кивнул Огнед и покосился на переданную Тонком папку. – Дело не ахти какое, поручите кому-нибудь из сотрудников, но обязательно проследите. Люди искусства – особы нервные, могут поднять шумиху в газетах. Репортеры порой хуже наемных убийц! – поморщился глава Карательной.

В этом я с ним полностью солидарна. Недаром журналистов одинаково ненавидели почти во всех министерствах.

– Можно? – Указала на папку.

Мужчины дружно кивнули.

Хм, действительно мелочь – обычная незаконная магическая деятельность. Кто-то, помимо основной работы, гадал на картах и проводил простенькие ритуалы, вроде заговора от простуды. И не где-нибудь, а в примерке Королевского

театра! Теперь понятно, почему Огнед напирал на деликатность. Там ведь кто не прима, тот будущая звезда или любовница важной шишки. Но ничего, мы аккуратненько, через обслуживающий персонал подберемся.

– Итак, – быстрый взгляд Огнеда, брошенный на часы, подсказал: аудиенция закончена, – обустраивайтесь, постепенно вкатывайтесь в работу. Хассаби Тонк вечером к вам заглянет. Накопятся вопросы, не стесняйтесь, задавайте.

Если честно, вопросов всего два: каков мой нынешний оклад и какого числа его перечисляют на карточку. Однако озвучивать подобное – моветон. Предполагалось, что служащие Карательной трудятся за идею, во имя высокой цели.

Ладно, оставим мужчин шушукаться, под видом рабочего совещания обсуждать мою особу. Займемся насущными вопросами: знакомством с подчиненными и личностью отправителя роз. Вырви ведьме глаз, он меня плохо знает, если решил выйти сухим из воды! С моей нынешней должностью можно без всяких согласований отправиться в службу безопасности. Заодно нормальную голограмму сделаю. Женщина всегда остается женщиной, а на документах и вовсе обязана выглядеть вдвойне привлекательной.

* * *

Существует несколько способов добиться желаемого: рациональный, силовой и метод дурочки. С помощью взма-

ха ресниц и очаровательной улыбки порой получаешь больше, чем потрясая сводом законов. Но милую и женственную Магдалену я приберегла для службы безопасности. Даже если ты носишь шпильки, должна оставаться для подчиненных мужиком, то есть стальным стержнем.

В отдел я вошла уверенно, без стука, многих застав врасплох. Даже смех пробрал от комичной картины. Журналы, книги, недоеденные бутерброды летели в ящики столов, а впопыхах потушенные сигареты – в окно. Ох, получают у меня по шее горе-курильщики!

Головы дружно склонились над папками.

Ну-ну, так я и поверила!

– Доброго дня!

Хищным взглядом обвела присутствующих. Шайтан, власть так пьянит!

Однако отягощавшая руки папка напоминала, нужно скорее запустить дело в работу. Кому бы его поручить? Ладно, решу походу.

Выслушав ответное недружное приветствие, велела проветрить помещение и процокала к своему рабочему месту. Приятно сидеть не в общем муравейнике, а в небольшом, но собственном кабинете. Еще приятнее кнопкой вызывать этажного секретаря и напрямую звонить начальству. Да что там, я сама уже начальство. Красота!

Поборов желание скинуть туфли и немного покачаться в глубоком кресле, велела принести список подчиненных и на-

чала по очереди вызывать их к себе. Расспрашивая о том, кто чем занят, сверяла их слова с оставленными предшественниками заметками и попутно изучала мимику, жесты. Увы, результаты не порадовали. Без должного контроля сотрудники распоясались, а ведь надвигалось время подачи очередных отчетов в ведомстве. Половина форм не заполнена, дела, пусть и закрыты, не сданы в должном виде. Вдобавок меня воспринимали как кого угодно, только не начальника. Мол, я тут ненадолго, должность под юбкой достала и всякое такое. Особенно отличился некий Фрэд ишт Ригез. Он отвечал с нагловатой ухмылкой, вел себя дерзко, даже хамовато – словом, всячески демонстрировал, кто тут главный. Ну а я... Что я? Хочешь быть крутым, будь им. Например, найди ту самую гадалку. А я рядом постою, полюбуюсь твоими блестящими способностями.

Но это было только цветочками, самую крупную фигу судьба заготовила напоследок.

Пристроив злосчастный букет и заодно смирившись с его существованием, я, как и планировала, направилась к «безопасникам».

Какое же фиаско меня поджидало! Даже приторная улыбка с лица сползла.

– Нас предупредили и строго-настрого запретили заниматься данным вопросом, – отчеканил суровый мужчина под десять футов ростом, едва я только заикнулась о своей просьбе.

– Кто? – опешила я.

– Это секретная информация, – заладил чурбан.

– Хассаби Огнед что ли? – предположила я, хотя не могла взять в толк, зачем главе Карательной играть в шпионов.

– Нет.

– Я паяльник найду! – в сердцах пригрозила «безопаснику». – Подстерегу и...

– Да не знаю я кто! – раскололся амбал. – Господину ишт Делару вчера поздно вечером позвонили, отдали приказ. Он нам не докладывает.

Ну и ну! Вряд ли Ролан ишт Делар, начальник службы безопасности, человек робкого десятка. Такого простыми угрозами не возьмешь.

И тут до меня дошло. Пять роз, Магдалена!

– Зараза! Сволочь хассабистая! – от души припечатала я отправителя букета и, чиркнув каблуками по паркету, вернулась в отдел.

Глава 4

Очевидно, выводы я сделала правильные, раз никто больше меня не третировал. Маньяк бы точно не успокоился, прислал те же отравленные конфеты. Или ждал, пока грязную работу за меня сделают подчиненные? Иногда мне казалось, они и есть страшная месть Лотеску. Если да, то он преуспел. Отношения с коллективом не сложились, причем, исключительно по моей вине. Женщине полагалось быть белой и пушистой. Подари такой цветочек, сделай комплимент, и она растает, домой раньше отпустит, работу за тебя сделает. А тут кукиш. Цветов мне хватало, розы почти неделю на столе простояли, а комплименты... Не люблю я ушами, извините. Зато теперь стало понятно, почему начальником отдела назначили меня, а местные спецы пролетели. Как можно выбиться наверх, если твои знания человеческой природы застыли на уровне шаблонов?

Свой небольшой, но уютный кабинет за стеклянной стеной прозвала аквариумом. При желании стену можно было сделать непрозрачной, но я предпочитала бдительно следить за сотрудниками. Я ничем таким не занимаюсь, работаю, пусть и они потрудятся. Например, найдут ту самую гадалку. Складывалось впечатление, будто это дело века! Фрэд вздыхал, пыхтел... и топтался на месте, изображал бурную деятельность при полном ее отсутствии. В театр съез-

дил, и на том спасибо. Еще бы толк вышел! Послушать Фрэда, там вообще нет людей с магическими способностями. Тишь да благодать! Словом, я планировала сама плотно заняться Королевским театром, пока начальство плотно не занялось мной. Максимум через месяц потребуют отчет и за его отсутствие отправят самым медленным поездом обратно в Нэвиль.

Разумеется, Фрэд тоже свое получит. Я уже заготовила записку о служебном несоответствии.

Зато другое знакомство выдалось на редкость полезным. Фифа Селина помогла с квартирой. В первый же день позволила и предложила взглянуть. Предложенный вариант меня полностью устроил: в трех квадрантах от работы, окна выходят на узкую улочку, соединяющую бульвар с шумной площадью, то есть еда и развлечения под боком. Добираться, правда, не слишком удобно. Остановка парчелы, общественного паромобилия с жесткими лавками, посередине бульвара, до нее пятнадцать минут быстрым шагом. Ничего, утренняя пробежка способствует поддержанию физической формы. Потом и вовсе паромобилем разживусь, уже приценилась. На курсы вождения осенью запишусь.

Сама квартирка маленькая, но уютная. Особенно мне нравилась гостиная. Выполненная в теплых тонах, она настраивала на отдых. В нише у окна арендодатели поставили мягкое кресло. Чувствую, я проведу там немало времени с бокалом вина или чашкой ароматного кофе.

За квартиру на третьем этаже в доме с подъемником, пусть старым, но все же, взяли пятнадцать дархов – почти полновесный ршан, в котором, как известно, шестнадцать серебряных дархов. В Нэвиле я платила десять за жилье на набережной, но тут столица, все дороже. К счастью, жалование мое тоже подросло, поэтому торговаться не стала.

Собственно, именно в кресле у окна я окончательно похоронила карьеру Фрэдди.

Началось все... с маленького должностного преступления. Выносить дела с работы категорически запрещено, но когда очень хочется, можно. С некоторых пор мне и вовсе стало «льзя». Словом, я прихватила домой многострадальную гадалку, задавшись целью разделаться с постыдным «ви-сяком». На наш отдел скоро станут со смехом пальцем показывать. Тоже мне работнички, простейшее дело о незаконной деятельности расследовать не могут! От Тонка влетит по первое число, безо всяких должностных инструкций.

В чем прелесть одинокого существования – можно с головой уйти в работу. Никто не отвлекает, не канючит: «Поговори со мной!», не тащит в театр в самую горячую пору, а потом обижается на резкий отказ. Ничего, в театр я сама себя свожу, уже билеты купила. Не в ложу – в партер. Я не хас-саби, мне пыль в глаза пускать не нужно. Хотя партер тоже не галерка. Публика там респектабельная. Может, кто шампанским в антракте угостит? Эх, аристократические у тебя замашки, Магдалена ишт Мазера! Если шампанское, то толь-

ко «Эсканьол». Лотеску приучил. Он же и платил. Вернее, давал взятку, потому что шампанское появлялось на столе вместо извинений. Поводов для последних хватало, хотя в плане унижений и хвалебных од счет был все равно в мою пользу. Не женщины – мужчины любят ушами.

Наскоро поужинав, прихватила с кухни сочное яблоко, плюхнулась в кресло... и испытала жгучее желание убить Фрэда Ригеза. В папке не хватало листов! Я могла бы списать все на собственную невнимательность, на ту же лень Фрэда, который после взбучки не удосужился пополнить дело новыми протоколами, анализами и прочим, но увы! Страницы дел тщательно нумеруются, сами листы прошиваются, на те, что с грифом «Секретно» и вовсе ставят защиту. Так вот, после страницы тринадцать на меня нагло взирала семнадцатая. Спрашивается, куда делись еще четыре? Я проверила несколько раз, пролистала папку задом наперед – ни следа пропажи. И, главное, не понять, что на них было.

– Дорогу осилит идущий, – озвучила свой девиз по жизни и отправилась за обычным карандашом.

В некоторых случаях ловкость рук города берет. Не в этот раз.

– Не мог листы подложить, когда писал! – разочарованно пробурчала я.

Увы, никаких отпечатков. Зато у меня был код Фрэда. Плевать, который час, в его интересах ответить. Это статья, между прочим, не хихоньки-хаханы. И если он полагал,

будто подставляет меня, то круглый дурак.

Как я и полагала, Фрэд принимать вызов не желал. Но я упорная, набирала снова и снова. Я не подружка, а твой начальник. Без толку. В сердцах кинув диктино на кресло, вгрызлась зубами в яблоко и уставилась в окно.

Хреновенько, хреновенько, Магдалена! Очень хотелось верить, что листы потерял раздолбай Фрэд. Вторая версия куда серьезнее, потому что тогда в инспекции появилась «крыса». Придется ставить везде «жучки», перетряхивать личные дела работников. Какие премии, оклада бы не лишиться! А я очень рассчитывала на финансовые вливания, сильно потратилась в первые дни столичной жизни.

Внимание привлек какой-то монотонный звук. Не сразу сообразила, что он исходил от диктино.

– Вырви ведьме глаз! – от души выругалась я, не спеша принимать вызов.

Код Брокера! Неужели в Карательной действительно шпион?

Запустив пальцы в волосы тоненько застонала.

Ну за что мне это? Почему я не могу хотя бы месяц спокойно проработать на новой должности?!

Но хватит ныть, Лена, от судьбы не уйдешь.

Выровняв дыхание, нажала кнопку приема.

– Слушаю вас, господин ишт Брокер.

Эх, устроят тебе показательную порку! Ты в Штайте новичок, из тебя и козла отпущения делать.

Но Фрэда я уволю. Я не я, если завтра же он не отправится на биржу труда!

Все эти мысли уместились в пару мгновений томительного ожидания ответа второго зама.

– Магдалена, зачем же так официально? Мы не на работе! – рассмеялся Брокер, чем окончательно вогнал меня в ступор. – Надеюсь, вы не забыли?

– Эммм? – позорно выдала я, отчаянно перебирая в памяти выданные поручения.

Указаний от него я точно не получала, да и не состою в его подчинении. Выходит, Брокер таким изощренным способом намекал на служебное несоответствие. Мол, не забыли ли вы, Магдалена ишт Мазера, как работать? Быстро поднимайте свой зад и бегом искать пропавшие листы.

– Вечеринка, – услужливо напомнил Брокер.

Шайтан!

Спасибо, не выругалась вслух, а то уволили бы за сквернословие.

Взгляд метнулся на вмонтированные в изопроектор часы. Четверть девятого. Только не говорите, что она сегодня! Только не сегодня! Как я могла забыть?!

Лихорадочно нашарив ежедневник, убедилась, что едва не выкопала себе могилу. Ведь еще вчера помнила, собиралась, воспользовавшись новым, начальственным положением, уйти пораньше – и забыла. Все Фрэд виноват! Работал бы нормально, не пришлось бы устраивать разнос. Не пришлось

бы устраивать разнос... Словом, виновата, каюсь.

– Так вы будете? – нетерпеливо уточнил Брокер. – Мне надо дать распоряжения охране.

Охране! Я состроила рожицу. Обязательно было выпендириться, подчеркнуть свой статус!

И все же интересно, почему я так нужна обществу адептов «дорого-богато»? Для контраста?

Видимо, мое молчание затянулось, раз Брокер закинул приманку, будто мимоходом обронил:

– Среди гостей будут ваши знакомые.

Час от часу не легче! Мои знакомые остались в Нэвиле и точно к высшей прослойке общества не принадлежали. Разве только... Проглотив вставший поперек горла ком, осторожно уточнила:

– Какие именно? Боюсь, я не успела ни с кем завязать дружбы за прошедшую неделю.

– Но ведь прежде вы с кем-то общались, верно? – Готова поспорить, Брокер самодовольно улыбался во все тридцать два зуба. – Во всяком случае этот господин о вас слышал.

Господин! С облегчением выдохнула. Если не хассаби, то плевать, пусть тащит кого угодно.

– Конечно, я буду, господин ишт Брокер! – беззаботно прошептала я.

– Тогда жду вас сегодня в десять. Не опаздывайте!

Второй зам отключился, ввергнув меня в пучину отчаянья. Скажите на милость, какую прическу, какой макияж

можно сделать за десять минут? И это в лучшем случае. Что-то мне подсказывало, до коттеджного поселка Брокара добраться не меньше часа.

А, может, второму заму нужна вовсе не красotka, вдруг ему не хватало пугала? Тогда соперниц у меня не найдется.

Ладно, отставить панику! Ты все успеешь. Подумаешь, чуточку задержишься! Тонк не заметит. А если вдруг, всегда можно прикрыться сложным делом. Рабочим, разумеется.

Теперь по пунктам.

Какое платье надеть? Покрутив ситуацию так и этак, склонилась в пользу солидности. Никаких мега-коротких юбок. Они хороши на танцполе, для необременительных знакомств на ночь. С вечеринки Брокара я планировала уехать в одиночестве и относительно трезвой. Снимать чехол с дорогого вечернего платья тоже не стоит, обойдусь зеленым, которое надевала в рестораны. Туфли к нему имелись, драгоценности тоже, а вот духи... Сомневаюсь, будто сейчас уместен тяжелый амбровый аромат. Надо приобрести что-то легкое, беззаботное: вечеринка же. Тут подстерегала засада – то самое время. После восьми все магазины закрыты, разве только... Помнится, этажный секретарь Альберта поминала универмаг на площади Регентства. Как же он назывался? Точно, «Корона»! Представляю, какие в нем цены, наверняка тоже королевские! Но выбора нет, придется ехать.

Чем хорошо лето? Можно выскочить в чем была, поймать на стоянке извозчика и через пару минут стоять перед огром-

ным, в шесть этажей зданием, практически целиком состоящим из витрин.

«Корона». Название рисовало магазины для избранных. В реальности простые смертные, вроде меня, тоже не ушли бы без покупок. Вещи... Не сказала бы, что сплошь шикарные. Магазин, в котором Лотеску купил мне платье для королевского приема, на голову выше. Ну да мы люди не гордые, к тому же духи везде одинаковые, только цены разные.

Подобные «Короне» универсальные многоэтажные магазины были пока редкостью, даже в столице их всего два. Торговлю предпочитали вести по старинке, в собственных помещениях, а не в специальных секциях-отделах. Посетителей в столь поздний час тоже немного. В основном люди стремились наверх, в ресторан с панорамным видом. Ну а я, предварительно сверившись с цветной схемой в холле, вышла на втором этаже.

Казалось, я очутилась в стеклянном лабиринте. Ровный мертвый свет заливал отдаленно напоминавшие больничные коридоры. Вокруг – вывески, демонстрирующие последние коллекции манекены. И стекло, стекло, стекло...

Преодолев робость, решительно направилась к «Ароме», мысленно прокручивая в голове подходящие ноты. Выбирать придется быстро, некогда разнашивать, сравнивать.

Цитрус, может, имбирь, в сердце – роза...

Что за?..

В нос ударил удушающий аромат. Он буквально сбивал с

ног, можно смело использовать вместо оружия. Сначала решила, будто кто-то из посетителей нечаянно разбил флакон концентрата, а персонал забыл вымыть пол, но потом убедилась, запах источал человек. Женщина, которая в данный момент небрежно прикладывала банковскую карту к считывавшему устройству. Интересно, она там как, дышит? А бедные продавщицы с приветливыми улыбками, больше похожими на спазм лицевых мышц?

Кое-как привыкнув к стоявшему в «Ароме» запаху, подошла ближе, с интересом окинула взглядом не знавшую меры незнакомку. Судя по разноцветным пакетам, дама спустила в универмаге кучу денег и совсем не торопилась домой, к мужу, детям, плите. Хотя о чем это я, такие, как она, даже безопасным огнем обожгутся, в глаза не видели кастрюль, а до детей нисходят исключительно на отчетных концертах в элитных школах. Муж для них – кошелек на ножках. Выдал карточку и свободен. Еще бы отдельно жил, не мешался под ногами – и вовсе сказка!

Внешность прожигательницы жизни соответствовала классическому образу. Распущенные, вьющиеся мягкими волнами шоколадные локоны до пояса (плод многочасовых трудов в салоне), сумочка из тончайшей кожи ягненка, точеная фигура (шайтан, хочу такую же талию!), туфли на высоких тонких каблуках. Будто незнакомке и без них не хватало роста! Добавьте белое платье в цветочек, явно сшитое на заказ, и получите королеву. Не Алиссию – абстрактную. С той

лишь разницей, что королева бы так не душилась. Незнакомка явно молода, маскировать старческий запах ей не требовалось, но она то ли страдала от хронического насморка, то ли перепутала время года, раз вылила на себя полфлакона мускусного жасмина.

Решив держаться от богачки подальше, развернулась к полкам с флаконами. И тут меня настигли ударившие под дых слова:

– Хорошего вам вечера, хассаби Лотеску!

Мир перед глазами на мгновение померк. Невидимая рука сдавила горло.

Напрасно я убеждала себя в том, что фифа могла выйти за однофамильца. Кого я обманываю, никакого другого хассаби Лотеску не существовало. И его отец, и братья, вся прочая родня – обычные господа.

До крови закусила губу.

Я не обернусь, не стану смотреть! Однако взгляд уже жадно ловил каждое движение той, на которой женился Лотеску.

Шайтан, я думала, он вообще не женится! Такой мужчина, как... Горько усмехнулась собственной наивности. Эмиль Лотеску обязательно бы женился, чтобы продолжить дворянский род. Не на тебе подобной – как раз на такой шатенке. От нее за милую веяло породой и богатством. Лет двадцати-максимум двадцати пяти, с немного стервозным лицом, без единого грамма жира, зеленоглазая. Такую легко представить танцующей с его величеством, открывающей выставку или

лучезарно улыбающейся послу соседнего государства. Именно для таких покупают бриллианты, таким дарят яхты, открывают многомиллионные счета. И самое гадкое, я ведь никогда не хотела замуж за Лотеску, не хотела его денег, вообще его не хотела, почему же мне так больно?

Мимолетная встреча с супругой бывшего начальника выбила из колеи. Хассаби уже удалилась, даже шлейф ее духов растворился среди витрин, а я, загипнотизированная, все смотрела ей вслед.

– Вам помочь?

Голос продавщицы вывел меня из болезненного оцепенения.

Какая разница, на ком он женат и женат ли вообще. Эмиль Лотеску не твой и никогда твоим не был. «В свое время ты могла дать ему шанс», – напомнил внутренний голос. Показала головой. Вот уж нет! Никаких шансов, так проще.

– Да, – спокойно, будто только что не пережила сильнейшее душевное потрясение, ответила я, – мне нужен легкий цветочный аромат. С нотами цитруса.

Вот так, выбор духов меня отвлекает. И действительно отвлек, правда, приобретенный флакон изрядно опустошил кошелек. Больше, нежели я рассчитывала. Дорого же мне обошлась ваша вечеринка, господин Брокар! Надеюсь, хотя бы обещанный сюрприз в виде давнего знакомого окажется приятным.

Глава 5

За все в этой жизни надо платить. Это я не о себе, а о богатых и именитых. В их случае речь шла об ограничении свободы в виде огады, опоясывавшей коттеджный поселок. Хотя, может, они эту решетку воспринимали иначе, наоборот, как защиту от вторжений.

Приятно познакомиться, фея. Право, только внезапно открывшийся дар помог мне элегантно, как положено приглашенной на великосветскую вечеринку даме, выйти из наемного паромобиля возле будки охраны ровно в десять вечера. На голове не воронье гнездо, помада на щеках пятнами не лежит. Нет, нет и еще раз нет, я выглядела в высшей степени презентабельно, словно и не собиралась в спешке. О приобретенных ценой героического знакомства с умопомрачительной женой Лотеску духах тоже не забыла, нанесла, куда положено. И, знаете, стало лучше. Цитрусы обволакивали, настойчиво нашептывали: все туфта! Подумаешь, ноги, ты тоже не инвалид. Волосы шелковистые? С такими деньгами положено. Фигура? Ха, мужчины не собаки, на кости не кидаются. В итоге в заочном соперничестве со мной дамочка активно теряла очки и... превратилась в товар на полке. Ее продали, а она, дура, рада, пыжится. Ну удачи! Я вот без папочки и мужа сейчас стремительно ворвусь в высшее общество.

– Магдалена ишт Мазера, – важно представилась вышедшего на шум охраннику. – Я к...

– Проезжайте!

Не дослушав, он махнул рукой и, отбрасывая длинную тень в свете фар, нажал на кнопку. Щелкнул, пришел в движение специальный механизм, ворота распахнулись. Думала, на этом все, но охранник перебросился парой фраз с напарником и сел на пассажирское сиденье рядом с водителем. Контроль – главный девиз подобных коттеджных поселков. В ночное время особенно. На словах намерения охранника благородные – показать нужный коттедж, только вот он желал убедиться, что мы не станем рыскать среди чужих домов, тревожить их обитателей.

Лениво скользила взглядом по мелькавшим за окном заборам. Все, как один, выше человеческого роста. Захочешь, во двор не заглянешь. Количество наружных кристаллов зашкаливало, вдобавок каждый забор опутала сеть сигнализации. Усмехнулась. Что ты там про ограничение свободы вещала?

Я поняла, где мы остановимся, задолго до того, как паромобиль затормозил. Забор забором, но звуки вечеринки не спрячешь. Ночной ветерок разносил их на милю, не меньше. Представляю, как зверели остальные местные жители, особенно, те, кого не пригласили! Хотя, вроде Брокер говорил, поселок новый, только-только построили, начали заселять. Он сам как раз праздновал новоселье. Думал провести вече-

ринку в старом доме, а собирал гостей уже в новом.

Будоражающие воздух ударные учащали сердечный ритм.

Улыбнулась. Брокер не поклонник классики, ему милее клубные ритмы. Может, стоило надеть платье покороче? А, уже поздно! К тому же вряд ли мне пойдет на пользу репутация бесшабашной королевы танцпола. Я теперь начальница, нужно учиться веселиться степенно, чтобы не попасть на первые полосы газет. Это не означало отказ от выпивки и ночных клубов, просто сейчас, у Брокера, точно юбкой крутить не стоит.

Bay!

Надумавшая стать великосветской дамой особа подобрала бы иные слова, но, очевидно, солидность шла мне как корове седло.

Брокер умел сорить деньгами. Ради вечеринки он велел подсветить дорожку к дому, построил самую настоящую сцену и расставил стулья на свежем воздухе. Здесь же, в саду, можно было полакомиться всевозможными закусками и поднять градус настроения напитками.

А там что? Вырви ведьме глаз, бассейн! И ладно бы пустой – там с визгом плескались девицы в костюмах русалок. Эмм, весьма провокационных костюмах, особенно сверху. Сразу понятно, они не гости, отрабатывают деньги.

Быстро окинув взглядом территорию, направилась напрямиком к сиявшему огнями дому, справедливо рассудив, что хозяин в кустах прятаться не станет.

– О, Магдалена!

Искать никого не пришлось: второй зам встречал гостей на пороге. Он обнимал какую-то красотку, которая при виде меня поспешила скрыться. Совершенно напрасно, то, что Брокер знал мое имя, ничего не значило.

– Как добрались? Великолепно выглядите!

Не успела я опомниться, как в руке оказался бокал шампанского. Брокер по-хозяйски подхватил под локоток и повел в «салон» – нечто среднее между залом и гостиной. Тут играла совсем другая музыка: скрипки, рояль, арфы. Музыканты во фраках старались ради скучающей толпы хассаби, которых не прельщало пьяное веселье на свежем воздухе. Особо выделялась одна дама. Понимаю, ночи еще прохладные, но не настолько, чтобы кутаться в меха. Плечи незнакомки обнимало боа из рыжей лисы, вторя огненному цвету волос. Дама не пожелала сделать прическу, ограничившись черной атласной повязкой с крупной жемчужиной. На ее месте я поступила так же. Понятия не имею, свои ли у нее волосы или наращенные, но они сами по себе украшение. А какая кожа! Перламутровая, с легким свечением. Дама явно не экономила на уходе: ей ведь уже не восемнадцать. Наметанный глаз без труда определил примерный возраст – около тридцати. Морщины морщинами, не у всех появляются, но есть и другие признаки. Например, взгляд. Юные барышни, даже самые избалованные так смотреть не умеют. У них одно позерство, дутая надменность, а женщина в мехах знала

себе цену. Вот и платье надела самого простого кроя, черное, с открытыми руками и завязкой-хомутом. Разумеется, из украшений с таким наденешь только нитку жемчуга. Дополнял образ... длинный мундштук. Никогда прежде я не встречала среди хассаби (назовем так не только дворян, но и всю верхнюю прослойку общества) курящих женщин. Вишневый запах ее табака смешивался с густым цветочным облаком духов.

— Узнали? — заметив мой интерес к рыжей даме, горделиво поинтересовался Брокер.

Мол, смотрите, кто почтил мой праздник!

Тяжко вздохнула:

— Увы!

Зато я доподлинно знала, что Брокер пускает по ней слюни. Чуть ли не в прямом смысле. А ты боялась, Магдалена! Твои акции здесь не котируются.

Увы, роковая красotka не обращала на второго зама внимания. Складывалось впечатление, будто она мечтала скорей покинуть вечеринку. Выражение вселенской скуки и легкого презрения стали ее вторым «я».

— Как? — изумленно вылутился Брокер, даже отпустил мой локоть. — Вы не узнали нашу приму, золотой голос Амбросена?!

Виновато развела руками. Темные мы, провинциалы. Да и певички, актрисы по части мужчин, я как-то больше политической интересуюсь. Хотя... Сердце екнуло, когда к роялю на-

правился жгучий низкорослый брюнет лет пятидесяти. Вот он мне знаком – Эдвин ишт Сартон. Даже посчастливилось слушать с галерки, когда он приезжал в Нэвиль с гастролями. Какой у него голос! Я не поклонница искусства, но не устояла.

Оглядевшись, поняла, что у Брокера собралась половина труппы Королевского оперно-драматического театра. Того самого, где служила незаконнослушная гадалка. Знакомая с материалами дела, я разглядывала магические изобразительные карточки, благо в свободном доступе их хватало. Снимки тиражировали для поклонников, опять-таки многие мелькали в газетах – собралось неплохое досье. Только вот рыжую даму я не помнила.

– Это сама Женевьева ишт Скардио! – с придыханием раскрыл чужое имя Брокер.

Мысленно усмехнулась. И на старуху, в нашем случае ловеласа, найдется проруха, женщина, которая овладеет его мыслями. Только вот вряд ли Женевьева снизойдет до Брокера. Теперь понятно, почему я ее сразу не признала. Прежде Женевьева была блондинкой. Видимо, перекрасилась, сменила облик, из трепетной нежной девушки превратившись в женщину-вамп. Учитесь, преступники!

Картинно хлопнула себя по лбу:

– Теперь я вспомнила ее, хассаби.

Ладно, польщу, раз второй зам, обойдусь без «ишта».

– Еще бы! – зачарованно следя взглядом за Женевьевой,

буркнул Брокер. – Ее невозможно забыть. Как она хороша в «Любовной песне»! Говорят, новая опера, которая ставится на деньги графа Фондео, и вовсе шедеврально. Одни декорации обошлись в пятнадцать тысяч ршанов!

Н-да, деньги девать этому графу некуда! Зато теперь понятно, чьими стараниями зажглась звезда Женестьева. Она ведь блистает не так давно, от силы пару лет, а до стремительного взлета исполняла рядовые партии. Эх, всем граф Эдмон Фондео хорош, только женат! С другой стороны, когда это певица останавливало? Она ведь не замуж за него собралась.

Тем временем Сартон пробежался по клавишам рояля и, под дружные аплодисменты публики, исполнил имперский романс.

Зачарованная звуком его голоса, на время забыла, где нахожусь. Все же музыка – великая сила!

Хм, а Женестьева коллегу проигнорировала, даже не обернулась, будто и нет его. Какая кошка между ними пробежала? Надо бы поднять подшивку газет, проверить, не пыталась ли в свое время начинающая певица завести интрижку с мэтром. Других поводов столь открыто демонстрировать свое презрение я не видела. Сартон точно не пытался отбить у нее графа!

Громкие аплодисменты смолкли, и второй зам вновь оседлал любимого конька, то есть продолжил петь оды обожаемой Женестьева.

– Обязательно сходите на премьеру! Жасмин, – по-дружески обратился он к скучающей оперной диве, – достанешь билеты?

Женевьева медленно обернулась ко мне. Ха, она тоже могла бы работать в моем отделе, всего за минуту просканировала взглядом, определила, я не очередная шлюшка богатого папика.

Губы Женевьевы тронула легкая улыбка.

– Конечно! – приветливо улыбнулась она и специально для меня пояснила: – Женевьева я только по удостоверению личности, друзья зовут меня просто Жасмин. Я даже подумываю сменить ли документы, но это так хлопотно!

Певица продолжала улыбаться, но я не верила ее дружескому. Слишком уж оно не вязалось с ее каменным, будто высеченным из мрамора лицом, холодными голубыми глазами. Женевьева играла очередную роль.

– Обратитесь к администратору, он выдаст вам контрамарку. Как вас зовут?

– Магдалена ишт Мазера, – представилась я.

– Магдалена... – задумчиво повторила Женевьева, запоминая. – Завтра утром контрамарка будет вас ждать.

И она уплыла к музыкантам, оставив после себя кисловатое послевкусие вишневого табака.

– Я уговорил Жасмин спеть нам сегодня, – по секрету поведал Брокер. – Она выступит дуэтом с Эдвином ишт Сартаном.

Так вот для кого сцена на открытом воздухе. Второй зам устроил воистину королевский прием!

А с Женеьевой они явно близко знакомы. Интересно, в курсе ли граф, что кто-то еще называет ее Жасмин?

Свои мысли благоразумно оставила при себе. Пусть Брокер крутит романы с кем хочет. Он взрослый мальчик, понимает, чем рискует. Меня волновали собственные проблемы. Точнее, проблема, которая могла почтить вечеринку своим присутствием. Но, очевидно, Эмиль Лотеску счел мероприятие не стоящим внимания, раз среди гостей я его не заметила.

Брокер представил меня руководству Ведомства магии, кое-кому из министерства и отпустил в свободное плавание. Я не возражала, с бокалом в руках налаживала столь необходимые связи. Первым делом, конечно, поговорила с Огнем и его супругой. Не забыла похвалить ее брошь, чем заработала пару очков в копилку репутации. Потом, незаметно для себя, включилась в общее обсуждение – словом, влилась в компанию. Подумать только, когда-то я была для подобных людей чужой, приложением к начальнику! А сейчас я практически равная, для некоторых уж точно.

Болтая о том о сем: законах, машинах, громких премьерах и не менее громких скандалах, – совсем забыла об обещании Брокера свести меня со знакомым из прошлого. Зато второй зам о нем помнил. В самый разгар обсуждения наилучшего цвета огнемобиля, он с загадочным видом окликнул меня:

– Взгляните, Магдалена, ваш старый приятель!

В недоумении обернулась, пытаюсь понять, когда успела познакомиться с вихрастым, одетым в кожаные брюки и свободную рубашку молодым человеком. Явно желая эпатировать публику, он расстегнул две верхние пуговицы. Я точно с ним не встречалась. И тем более не спала. Да у нас разница в возрасте лет десять, не меньше! Однако было в его лице что-то до боли знакомое. Брюнет, чуть нагловатый взгляд...

– Кэрол, – развеял мои сомнения любитель бросать вызов этикету.

Да что за день сегодня такой, одни Лотеску!

Кэрол – самый младший в семье. И самый непутевый, вечно влипает в сомнительные авантюры. Назвать нас знакомыми можно было с натяжкой. Так, виделись пару раз. В ту пору Кэрол учился на младших курсах, сейчас, наверное, уже работает. Хотя... Не удивлюсь, если его отчислили, и он намертво повис на шее старшего брата. Почему именно его? Так родители далеко, в Нэвиле, а Эмиль, тут, в столице. Слишком уж Кэрол пыжится, брутального мужчину изображает. Мол, посмотрите, какой я сексуальный бунтарь.

Как в воду глядела! Словоохотливый Кэрол без тени смущения поведал, как его исключили за вождение чужого огнемобиля в нетрезвом виде. Прямо мания какая-то – машины! Помнится, в свое время Лотеску знатно отодрал братца за уши за попытку залезть в свой огнемобиль. Вовсе не из жадности или страха, что Кэрол его разобьет, хотя с него сталось

бы! Вождение огнемобиля без специальных прав, обычные не подойдут, – серьезный проступок. За него полагалось суровое наказание, вплоть до тюремного заключения. Но когда это останавливало мажоров! Кэролу хотелось покрасоваться перед девчонками, и плевать он хотел на своевольного духа под капотом, который в любой мог устроить аварию. Догадываюсь, как смаковали подробности газеты! Ну да стараниями старшего брата дело замяли, иначе бы Кэрол здесь не стоял. Увы, тут я промахнулась, шалопая спас... Брокер.

– Братец аннулировал карту и заявил, что пара месяцев в камере пойдут мне на пользу, – с обидой припомнил Кэрол. – Зато Давид помог, мы теперь лучшие друзья.

Надейся и верь! Второй зам дружил вовсе не с ним, а с его фамилией. Не вышло подобраться к Эмилю Лотеску напрямую, так он решил действовать через Кэрола. Потом припомнит его шалости, надавит на старшего брата: мол, посодействуйте, а то поделюсь сокровенным в газетах. Репутация, она как стекло – такая же хрупкая и обязана быть кристально чистой. Если Лотеску метит в министры, а он точно метил, план Брокера срывается. Не зря же он возился с непутевым мажором.

– Но я восстановился, меньше месяца назад диплом получил, – продолжал откровенничать словоохотливый собеседник.

Не просто так – с коктейлем в руках. Мне тоже перепало. Кэрол презрительно заявил: шампанское для стариков, и по-

ташил меня в сад, к столику с напитками для молодежи.

А я котируюсь, однако, не вышла в тираж!

Слушала болтовню Кэрола и неспешно потягивала напиток через трубочку.

Вечеринка в самом разгаре. Алкоголь медленно проникал в кровь, повышал градус веселья. Даже чинные гости не удержались, пошли танцевать. Я тоже скоро к ним присоединюсь: не напиваться же пришла!

– А сейчас ты чем занимаешься? – моргнув, переключила внимание на Кэрола.

Тот неопределенно пожал плечами. Ясно, ничем. Ищет себя.

– С братом, наверное, часто видишься? – я таки затронула скользкую тему.

Не последнюю роль в этом сыграл очередной коктейль. Вот зачем их держат в открытом доступе, да еще разносят среди гостей!?

– С которым? С Эмилем?

Взгляд Кэрола переместился с моего лица на грудь, да так там и остался. Опрокинув стакан граппы со льдом и лаймом, он придвинулся ближе. Я, наоборот, отстранилась, но без толку. Пришлось смириться, что мое декольте превратилось в гвоздь программы. А я свой четвертый размер наружу, как некоторые, не вывалила. Хотя при всем желании такое не спрячешь, а мужчины... Мужчины и рады откопать.

– Жаль, Эмил не на тебе женился, – неожиданно выдал

Кэрол. – Ты прикольная, а Амели стерва! Она даже его достала, недаром он с ней не живет.

Тут я немного опешила. Вроде, недавно женился, стремительно делал карьеру, жена-красотка, чего ему не хватает?

– Давай дом посмотрим? Я знаю, где гостевая спальня.

Воспользовавшись мой кратковременным замешательством, нахал приобнял за талию. Разумеется, руку я скинула, но разве южанина такое остановит! Они все сексуально озабоченные и, что уж там, отличные любовники. После них другие казались пресными. Уж я-то знала! Пусть один раз, но согрешила.

– Ты не пожалеешь! – продолжал жарко нашептывать Кэрол. Или это в нем говорила граппа? – Ты мне сразу понравилась, но Эмиль мешал. Он вообще делиться не любит, а так мы могли бы втроем...

Что именно, выяснять не стала, под благовидным предлогом сбежала попудрить носик. Обернувшись, убедилась, что Кэрол мгновенно утешился. Вот и замечательно, та шатенка наверняка разделит его постельные интересы.

Раздумывая, стоит ли и дальше сохранять лицо или так пофлиртовать с кем-нибудь, благо симпатичные мужчины имелись, толкнула дверь гостевой уборной.

– Ой, простите!

Извинившись, я торопливо шагнула обратно, недоумевая, почему женщина не заперла дверь. Ответа не последовало, никаких звуков из уборной тоже не доносилось. Я встрево-

женно постучала:

– Эй, с вами все в порядке?

Когда я вошла, женщина склонилась над умывальником. Бедняжку, наверное, тошнило. Только вот как-то странно, беззвучно.

Выждав еще немного, решила проверить, в чем дело.

Любимое ругательство едва не сорвалось с губ.

Тошнило ее, как же! Женщина была мертва. Тело обмякло, тронешь, сползет на пол. Но трогать я как раз не собиралась. Вот еще, облегчать преступнику жизнь, нарушать картину преступления! В том, что смерть далека от естественной, сомнений не возникало. На шее, любезно оголенной высокой прической, заметила входные отверстия от импульса парцилена. Они походили на крохотные ожоги, обрамленные белой каймой. Стреляли с близкого расстояния, выставив поражающий режим.

М-да, не завидую полиции! Если бы преступник воспользовался кремниевым пистолетом, его опознали бы по следам пороха на руках и одежде. Так же... Да у половины гостей имелось разрешение на ношение парцилена! Не обыскивать же всех, проверять, кто пронес на вечеринку оружие! Тогда не только следователь лишится своего поста, но и Брокар полетит в тар-тарары. Сами понимаете, последнего такое развитие событий не устроит, так что обыск не вариант.

Устроены парцилены тоже одинаково, по входным ожогам невозможно установить конкретную модель. Они все уби-

вают жертву световой вспышкой, расщепляющей частицы внутри тела. Или наносят ей тяжкий вред, если выставить другой, более щадящий режим.

Осторожно, чтобы не задеть, протиснулась между стеной и убитой.

Увы, покойница не оставила послания на зеркале, да и не успела бы: импульс срабатывает мгновенно. Зато перед смертью она кому-то звонила: нетронутый диктино лежал на полочке умывальника. Только вот убийца позаботился о том, чтобы он никогда больше не включился, щедро облил аппарат водой.

Глава 6

– Ну, и где труп?

Полицейский смотрел на меня, как на дамочку, страдающую от психического расстройства. Так со стороны и казалось: подвыпившей женщине под белочкой привиделся труп. Стоявший рядом Брокер, наверное, радовался, что не шайтан, иначе я, чего доброго, разнесла туалет. А так всего лишь опозорила, выставила на посмешище. Только, вот беда, выпила я немного, и труп был, не привиделся.

Дернула плечом:

– Понятия не имею.

Внутри клокотала досада. Знала бы, ни на шаг от гостевого туалета не отошла! А так ни трупа, ни диктино на умывальном столике.

Полицейский напрасно старался, меня укоризненными взглядами не проймешь.

– Ищите! Это ваша работа, не моя. Или хотите, чтобы я за вас расследовала преступления? Ах да, я этим и занимаюсь! Без малого пятнадцать лет, между прочим. Признаться, устала, пора и полиции чуточку поработать. А то как ни зайдешь, сплошные чаи и волокита. Еще обижаются на Карательную инспекцию: мол, почему им больше платят.

Самоуверенность стража порядка как ветром сдуло. Он перестал лыбиться, насупился, но смолчал. Я же торжество-

вала. Что, не вышло? Дамочка оказалась не фифочкой, как он ошибочно полагал. Не судите книгу по обложке. А если вдруг надумаете, это ваши проблемы.

— Однако факт остается фактом, — вступил в разговор Брокер. — Труп пропал.

— Тогда и кого-то из гостей мы тоже не досчитаемся, — резонно заметила я. — Погибшая не обслуга, думаю, мы ее быстро вычислим.

Брокер тяжело вздохнул и отвернулся. Я испортила ему праздник. Капитально испортила. Вдобавок Женевьева ишт Скардио закатила знатный скандал, когда ей, как и прочим гостям, запретили покидать дом. Хвала небесам, Огнел сумел ее успокоить. Он единственный не обвинял меня во лжи. А Брокер... Его можно понять. Хотел поднять свой статус, а угодил в раздел происшествий. Не сомневаюсь, репортеры пронюхают. Они как крысы, просачиваются даже сквозь тройную цепь охраны.

— Магдалена, — Брокер сделал паузу и еще раз тяжело вздохнул, — вы хотя бы понимаете, с кем имеете дело? Мои гости не лавочники, поэтому следовало проявить... деликатность, что ли.

То есть распустить всех по домам, позволить преступнику улизнуть.

— Да и ваши слова о парцилене... Сами посудите, разве не дикость, обвинить того же Эдвина ишт Сартона в том, что он пронес под фракком оружие! А дамы? Надеюсь, хотя бы их

вы не подозреваете? Или собираетесь заглянуть каждой под юбку, проверить, не припрятан ли парцилен под резинкой чулка?

Я угрюмо молчала. Пусть выговаривает сколько влезет, на попятный не пойду. И возражать тоже не стану. Повторяюсь, я не сумасшедшая, труп имелся. Карьера карьерой, но, случись такое в моем доме, пожертвовала бы дружбой с парой-тройкой шишек ради правосудия.

– А, разбирайтесь сами, я умываю руки! – так ничего от меня не дождавшись, в сердцах выпалил Брокер и, крутнувшись на каблуках, стремительно удалился.

Наверное, отправился успокаивать гостей.

М-да, та еще предстояла работенка! Взять у всех этих хассаби подписку о невыезде, проверить их на прохождение оружейных курсов и прочая, и прочая. Одно радовало – большую часть работы предстояло проделать полиции. Меня радовало, а вот пыхтевшего рядом инспектора совсем нет. Ну извини, служба на то и служба, что тут тебя по головке не гладят, зато регулярно посылают к шайтану в подружки.

– Итак, преступим?

Убедившись, что второй зам ушел с концами, вмешиваться не станет, привалилась к стенке кабинки и достала блокнот. Нужно составить первичный протокол осмотра. Понятия не имею, как классифицируют дело, привлекут ли Карательную инспекцию, но лучше перебдеть. По такому случаю я даже детоскопом разжилась – Брокер где-то достал, всучил

до мини-истерики.

– Сойдемся на том, что труп был. – Чуть прищурившись, покосилась на полицейского. – Нет, вы можете и дальше это отрицать, но тогда мы застрянем здесь до утра.

– А вы вообще кто? – запоздало поинтересовался страж порядка. – Имя, фамилия, должность?

Вдруг я для красного словца Карательную помянула, а на самом деле чья-то жена или любовница.

– Магдалена ишт Мазера, начальник Отдела по работе с магией столичной Карательной инспекции.

Бедняга окончательно скис, смирился с тем, что отделаться от меня не получится. Между нами теперь пропасть, не он, а я стою на ступень выше. Наконец-то! Прежде, в Нэвиле, мне до хрипоты приходилось ругаться с полицейскими. Теперь стану цапаться с судьями – расту!

Следующие полчаса я строчила в блокноте и ползала вокруг раковины. Ну и гоняла несчастного полицейского, заставила тщательно осмотреть туалет. Он ворчал, но терпеливо проверил, открывали ли окно под потолком, не осталось ли где волос, кусочков ткани, иных улик. Увы, преступник не наследил, от оружия тоже не избавился. Эх, обыскать бы гостей, тогда бы мы сразу... Ага, отправилась сразу бы ты на вокзал с обратным билетом в свою глухомань. Брокер прав, хочу я этого или нет, действовать придется деликатно.

Зато с другим повезло – детоскоп подарил неопровержимые доказательства преступления. Не магию – волнистые

полосы в воздухе, повторявшие траекторию полета импульса. Убийца стоял вот здесь, возле кабинки. Выходит, он прятался там, дождался, пока жертва зайдет вымыть руки, аккуратно выбрался и выстрелил. Все это я досконально, по форме записала в обычном блокноте – увы, специальных форм под рукой не оказалось.

Руки чесались заняться этим делом самой. В конце концов именно я нашла труп, не желаю ни с кем делиться. Да и его внезапное исчезновение бросало вызов профессиональной гордости. Убийца издевался, возомнил себя слишком крутым. Я обожала ставить таких на место.

– Вот! – Вырвав из блокнота плотно исписанный лист, с гордостью вручила его полицейскому.

Тот повертел записи в руках и нехотя извинился:

– Вы уж простите, госпожа! Женщины разные попадают, у некоторых фантазия богатая. Ходят, заявления разные пишут. То труп у них, то шпион за стенкой.

Рассеянно кивнула и уставилась в зеркало. Жаль, нельзя, как в книгах, немного помагичить и отобразить преступника. Хм, интересно, а Огнед сможет? Понимаю, подкатывать к главе Карательной с такими вопросами немыслимо, но ведь наглость – мое второе имя. Вдруг до приезда инспектора с командой экспертов успеем что-нибудь накопать? Они уже в пути, дежурный полицейский вызвал, минут через десять будут.

– Увы! – внимательно выслушав, развел руками Огнед. Он

благополучно отправил супругу домой (кто ее подозревать станет?), а сам остался, занимался опросом гостей. – Так далеко мои возможности не простираются. Да и сомневаюсь, будто кому-то под силу повернуть такое. Вам бы к ученым, вдруг через пару десятилетий изобретут такой прибор. Правда, тогда нас с вами уволят. Зачем держать огромный штат аналитиков, если достаточно одного полицейского с детектором?

Чуть помолчав, глава Карательной сумрачно покосился на меня и добавил:

– Министерство в курсе. Не стану лгать, не в восторге. Так что готовьтесь, Магдалена, постарайтесь собрать побольше фактов. Не удивлюсь, если вызовут на ковер.

* * *

Огнед накаркал. Не успела я с утра прийти на работу, как этажный секретарь сообщила: меня требуют на расправу. Судя по тому, что Альберта караулила меня у кабины подъемника, нервно кусала губы и вздрагивала от малейшего шороха, гроза уже прокатилась по Карательной инспекции. А ведь на часах всего пять минут десятого... Какой садист успел довести всех до белого каления?

– Хорошо, буду, – спокойно кивнула я. – В переговорную прямо сейчас?

– Нет, – тяжело вздохнула Альберта. – Хассаби Огнед уже

в министерстве, сказал, чтобы вы тоже брали бумаги и импульсом в служебный паромобиль. Судя по всему, – понизила голос она и сочувственно глянула на меня, – хассаби Лотеску очень зол. Та певичка успела нажаловаться.

Вот ведь коза! Не могла свои жалобы строчить кому-то другому! Представляю, в каком настроении Лотеску! Она наверняка его разбудила: бывший начальник поздно ложился и в прежние времена редко приезжал на работу вовремя. Разумеется, всю злость он выместит на мне, как самой низкой по рангу из провинившихся. И это в том случае, если Лотеску простил мой побег. Если же нет... Даже думать не хочется!

Никогда не считала себя трусихой, но очень хотелось содрать, прикинуться больной, мертвой – кем угодно, лишь бы никуда не ехать. Но я не питала иллюзий. Альберта – всего лишь первый уровень воздействия. Минут через десять наверняка позвонит Огнед. Если я и тогда притворюсь глухой, подключится тяжелая артиллерия и морально меня уничтожит. Нет уж, лучше я сама. Заодно, пока еду, соберусь с мыслями, разработаю стратегию поведения.

Перед визитом на эшафот выпила крепкого кофе и раздала поручения подчиненным. Старалась делать все максимально спокойно, даже бумаги на столе скрупулезно, по линейке, подравняла, надеясь, что, сосредоточившись на мелочах, забуду о грядущей головомойке. Не помогло. Меня подташнивало. Кофе рвался наружу, но я упрямо заперла каби-

нет и зашагала к подъемнику.

Самое гадкое, что и докладывать особо не о чем, одни общие слова. От полиции пока ничего не поступало, магии ноль, зацепиться не за что. Да и дело не совсем наше, пограничное. Уж точно не моего отдела.

Тут меня прошиб холодный пот.

К шайтану труп, Лена! Ты совсем забыла про гадалку. Тебя за этим вызвали, а не про туалетные пропажи рассказывать. Если захотеть, можно служебное несоответствие приплести. Мол, вы специалист высокого класса, а столько дней с места не сдвинетесь. И подчиненные ваши с простейшими задачами не справляются.

А если Лотеску узнает о пропавших страницах?

Можно я сразу из окна выброшусь – так безболезненнее.

Словом, в гаражное управление я спустилась в самом мрачном расположении духа, буркнула водителю нужный адрес и принялась думать. Если стану молчать или твердить «не знаю», точно закопаю свою карьеру. Придется бойко врать. Уверенно произнесенная ложь – почти правда.

Надеюсь, Огнед не присоединится к расправе. Вроде, мы с ним не ссорились, да и на ковер он меня не вызывал, не торопил.

Словом, к тому моменту, как паромобиль затормозил перед внушительным, выполненным с поистине имперским размахом зданием министерства магии, я сумела укротить свои страхи и без прежней дрожи толкнула массивную двой-

ную дверь в вестибюль.

Как и все государственные учреждения подобного типа, министерство магии подавляло размерами. Человек с порога понимал, что он вошь. Правда, дизайнер с архитектором несколько перестарались, увлеклись помпезностью, отчего со стилем вышли нелады. Взять хотя бы те плафоны светильников в форме факелов.

Ну и куда без герба Амбростена! Его повторили аж в двух видах – в форме барельефа над главной лестницей и мозаики на стене.

Под ногами – гранитные плиты, над головой – аллегория хрен знает чего. Главное, не признаваться, что я не понимаю, кто те люди с венками и мечами, а то университетский диплом поставят под сомнение. Хотя, догадываюсь, половина министерских такие же невежды, если вообще замечали, что у них над головой.

Однако не вечно же торчать в вестибюле, любуясь его отделкой. Вот и Огнед вызывает, торопит. Заверив, что уже на месте, приклеила к лицу вежливую улыбку и зашагала получать пропуск.

– Магдалена ишт Мазера.

Сунула в окошечко свое служебное удостоверение. Служащий лишь мельком глянул на него и буркнул:

– Вас ожидают. Пятый этаж, приемная хассаби Лотеску.

Выше только звезды. Тьфу, Габриэль Шанси. Может, он тоже будет присутствовать при допросе? Ну пожалуйста! По-

нимаю, я для министра магии мелкая сошка, но случаются же исключения, приятные совпадения? Пожалуйста, пусть сегодня произойдет одно из них! Шанси остался в моей памяти приветливым улыбочивым мужчиной, он не позволит размазать меня по стенке.

Пиликнув, сканирующее устройство пропустило внутрь министерства. Мне предстояло пешком подняться на один пролет и уже из холла второго этажа вызвать подъемник.

Воспользовавшись тем, что оказалась в кабине одна, придирчиво осмотрела себя в зеркале, полезла за расческой и косметичкой. Вот так, пусть Эмиль Лотеску увидит не бледное пугало, а роковую красотку. Уважают силу.

Щелкнула зеркальцем и чуть пощипала себя за щеки.

Великолепная и опасная, готовая к встрече с тигром.

Макияж и уверенность в себе – страшное оружие!

– Вы в своем уме?! – не успели отвориться двери подъемника, как на меня набросился Огнед. Судя по всему, ему уже досталось. И не по первое число, а сразу за весь год. – Где вас носит?!

– Движение плотное.

– Идите уже! – отмахнулся глава Карательной.

Все он прекрасно понимал, но милостиво промолчал.

Ба, вот это великолепие!

При виде приемной помощника министра я потеряла дар речи. Я точно в министерстве магии, а не в музее? Картины, оранжерейные цветы... и панорамные изопроекторы с воз-

возможностью одновременной связи с несколькими абонентами. Диваны мягкие, кожаные. К услугам ожидающих приема чай, кофе, вазочка с конфетами, различные газеты и журналы. Даже скромная книжная полка имелась. Вдобавок помещение такое огромное, что тут можно заблудиться.

Ага, щас, позволят тебе заплутать даже в трех соснах! Секретарь Лотеску уже спешила навстречу.

Увы и ах, Селина, тебя затмили, причем природной красотой. Я, женщина, и то залюбовалась.

– Прошу вас! – пропело небесное создание и повела меня в преисподнюю.

Прошлое накрыло с головой, стоило лишь увидеть его, ощутить разлитый по кабинету сладкий запах парфюма. Ноги сделались ватными, я словно приросла к полу, не в силах ни смотреть, ни отвести взгляд от мужчины возле аквариума. Лотеску кормил рыбок и, казалось, не заметил моего появления. Он совсем не изменился, разве только начал носить еще более роскошные костюмы.

– Ну что же вы, проходите, госпожа ишт Мазера! – не оборачиваясь, мурлыкнул Лотеску.

Он не забыл и собирался меня убить. Достаточно было этого тона, чтобы все понять. Но Лотеску словами не ограничился, активировал чары на двери, чтобы никто не смог помешать расправе. Ну и чтобы жертва не сбежала. Теперь кричи, не кричи, никто не услышит.

– Доброе утро, хассаби, –дохлой вороной прокаркала я.

Нужно сделать шаг, возможно, пожать ему руку, только я не могла! Меня трясло, бросало из жара в холод.

Шайтан, как же я была рада вновь его видеть! И в то же время я предпочла бы никогда больше не встречать Эмиля Лотеску.

Хассаби наконец закрыл крышку аквариума и соизволил обернуться. На губах играла едва заметная усмешка.

– Понравились цветы? Не огорчайте меня, Магдалена, скажите, что вы догадались.

– Да, – чуть слышно выдохнула я. – Очень.

Взгляд отыскал его руку. Странно, кольца нет. Знаю, многие мужчины не носят символ брачных уз, но должность Лотеску обязывала. Неужели пьяный Кэрол не врал, и семейная жизнь бывшего начальника не заладилась?

– А мне вот очень не понравился ваш поступок. – Ну вот, началось! – Трусливый и гадкий. Или вы способны только угрожать незнакомым людям по диктино? Напрасно Марка дергали.

Да я уже поняла, молчал в поезде Лотеску. На нервы действовал, предупреждал, чтобы не расслаблялась.

Низко опустив голову, пробормотала:

– Я сожалею.

Щеки пылали от проступивших пятен стыда.

– Сожалею? – В голосе Лотеску хлопотала ледяная ярость. – Вы выставили меня дураком, оскорбили, заставили пережить чуть ли не самые гадкие полчаса в моей жизни –

и просто сожалеете?!

Он подошел вплотную.

Я вжала голову в плечи, готовая ко всему. Может, если Лотеску меня ударит, станет легче, только вот синяки и кровоподтеки хассаби приберегал для мужчин.

– Некоторые вещи не забывают и не прощают, Магдалена. – Вздогнула, когда его палец коснулся моего подбородка, понуждая поднять голову. – Лучше бы вы и дальше твердили про «не могу» и «не хочу», чем так.

Отпустив, Лотеску засунул руку в карман брюк и вытащил бумажник.

– Держите! – Он протянул мне презерватив. – Для более удачливого кавалера, которого вы решите одурачить.

Тогда, на прощальной вечеринке, я действительно поступила дурно.

В памяти всплыли жаркие поцелуи. То, как мы уединились на кухне. Как я расстегнула на Лотеску рубашку, обвила ногами. Почти трезвая, на алкоголь на спишешь. И мы дошли бы до конца, но мне не хотелось с утра пить «Затин», и я отправила Лотеску за презервативом. А потом... За время его короткого отсутствия туман схлынул, и я сбежала.

– Собственно, – убедившись, что брать презерватив я не намерена, Лотеску убрал его обратно в бумажник, – у вас два варианта. Либо вы сейчас извинитесь. Очень хорошо извинитесь, чтобы я простил, либо на работе вы не задержитесь. Все на законных основаниях. Я лишь мельком глянул, но уже

вижу кучу недочетов в работе отдела, море ошибок в отчетности и хреновую результативность. Так что, Магдалена, — хищно улыбнулся он и прошел к столу из красного дерева, — думайте! У вас ровно десять минут.

Глава 7

Лотеску отвлекся на диктино, мельком глянул код звонившего и сбросил вызов. После отодвинул кресло и вызывающе, боком, уселся в него, заложив ногу на ногу. Его поза, выражение лица, снисходительное, с легким привкусом высокомерия – все свидетельствовало о том, что приговор жертве подписан.

– Лучше бы я не пришла тогда! – с сожалением пробормотала я и, сделав глубокий вздох, обвела глазами кабинет, которому предстояло стать моей могилой. – Мне там было не место, я говорила...

– Иногда нужно молчать! – резко оборвал меня Лотеску.

Ухмылка сошла с его лица, губы плотно сомкнулись. Ноздри едва заметно трепетали от гнева. Он даже ногу опустил на пол, сел нормально, как положено.

– Мне вот что интересно, – с мрачной задумчивостью протянул хассаби, – с теми, кого вы тащили в постель из пивнушек, вы тоже разговаривали? Сдается, они в лучшем случае слышали от вас: «Жеребец, давай еще!» И ничего не мешало, заметьте, только содержимое брюк волновало.

Молча проглотила укол. Их будет еще множество, Лотеску постарается растоптать, унижить по максимуму.

Взгляд уткнулся в книжный шкаф. Губы дрогнули в слабой, кислой улыбке. Его коллекция фолиантов с имперски-

ми печатями. Наверняка пополнилась новыми экземплярами. А я вот свой единственный продала, когда перебиралась в столицу.

Лотеску обожал свои старинные книги, никого к ним не подпускал. Кроме меня. Помнится, пару раз он разрешил открыть шкаф, взять какой-то справочник по магии. Сейчас таких не издают, да и магия обмельчала. К счастью! Не хотела бы я возвращения времен инквизиции!

Перед глазами вновь вспыхнули картинки прощальной вечеринки Лотеску. Я старательно гнала их из памяти, пять лет делала вид, будто ничего не случилось, но хассаби прав, я трусиха и лгунья.

Стояла на редкость хорошая погода. Обычно в октябре идут дожди, небо затягивает плотной серой дымкой, но в тот год природа расщедрилась. Может, хотела сделать приятное Эмилю Лотеску, который навсегда покидал Нэвиль?

Зато на моей душе было муторно. Пакуя коробки с документами для архива, помогая укладывать в транспортировочные ящики вещи из кабинета, я постоянно думала о том, что никогда больше не увижу начальника. На его предложение тоже перебраться в столицу я ответила отказом, винить некого, шанс мне дали. И все же... Знаете, схожие чувства испытываешь, когда теряешь близкого друга. Умом понимаешь, он жив, здоров, пошел на повышение, а все равно тяжко. Наверное, еще потому, что Лотеску просто так не по-

звонишь, по-свойски не поболтаешь, как с тем же Марком. Между нами пропасть. И когда хассаби сядет в поезд, она станет необъятной.

Последний год особенно нас сблизил. В этом вся проблема. Если бы я оставалась рядовой сотрудницей, да что там, даже его личным секретарем, было бы иначе. Увы, я единственная, даже не Синглер, наш нэвильский начальник службы безопасности, видела мерзкие изобразительные карточки, компрометировавшие Лотеску. Только со мной хассаби был предельно откровенен.

Да, слишком много общего у нас стало. Даже страх. Я очень хорошо понимала Лотеску, потому что пару лет назад тоже вздрагивала от каждого шороха, жила с мыслью, что в любой момент меня могут убить. В итоге... В итоге опять чуть не убили меня – за то, что не бросила, не отвернулась от Эмиля Лотеску. А прекрасный принц меня спас, застрелил наемного убийцу.

И вот сегодня он уезжал...

– Магдалена, у нас похороны?

Вздрогнула и повернула голову на голос Лотеску.

Кабинет казался пустым, мертвым. Книги давно упаковали, дела сдали. Завтра сюда заселится новый глава Карательной, переиначит все по своему вкусу.

– Простите, хассаби, – улыбнулась, не понимая, почему вдруг развела сырость. Я не сентиментальна, по мнению бывших, даже наоборот. – Сейчас сделаю вам кофе. В кондитер-

скую за пирожными послать? Я помню, вы любите сладкое.

– Не передумали? – Лотеску не попался на уловку.

Покачала головой и раскрыла ежедневник. Так, вроде, никаких дел, осталось только повторно уведомить гостей о вечеринке. Хассаби собирал в своей квартире с видом на парк весь цвет местного общества. Никто не откажется, никто не упустит шанс подлизаться, чтобы тоже пролезть в столицу. Нэвиль все же провинция, любой из здешней верхушки мечтал оказаться в Штайте.

– Зря! Но как хотите. Вечером приходите. Без возражений, Магдалена! – повысил голос Лотеску. – Я хочу вас видеть, остальное неважно. Вы прекрасно держались в обществе короля, справиться тут – плевое дело. К тому же, – задорно подмигнул он, – после дармовой выпивки местные аристократы мало чем отличаются от студентов в ночных клубах.

– Хорошо, – под чужим напором я уступила, хотя еще минуту назад хотела отказаться, – я приду.

– Прекрасно! – просиял Лотеску. – Я заеду к восьми. Оденьтесь так, чтобы мэр язык проглотил. Вы умеете.

– Пожалейте меня, хассаби! – От бывлой меланхолии не осталось и следа, теперь я улыбалась от уха до уха. – Лишить мэра языка – серьезное преступление!

Лотеску подошел вплотную, забрал у меня ежедневник.

– Может записать меня в соучастники.

Он не двигался и смотрел мне в глаза. Так близко! Дыха-

ние щекотало кожу, ровное, горячее.

По коже прокатилось стадо мурашек. Следовало отойти, отвернуться, но я не двигалась, замерла с вытянутой рукой, глупо сжимавшей торчавший из ежедневника кончик ляссе. Потом, конечно, спохватилась, отпрянула. Лотеску укоризненно покачал головой, фыркнул и напомнил об обещанном кофе с пирожными.

И снова воспоминание, жаркое, сладкое, от которого сердце пойманной птичкой трепыхалось в горле.

– Нам нельзя... Там гости, хассаби!

Я с трудом дышала. Плохо соображая, что делаю, из последних сил сопротивлялась его губам. Шайтан, как же мне хотелось снова ощутить их вкус! Понятия не имею, откуда Лотеску знал, как нужно меня целовать, но он знал. Руки шарили у меня по спине, забрались под тонкие бретельки платья. Еще немного, и оно спадет. Под ним лишь накладки, снять их – минутное дело. Трусики тоже на бедрах не задержатся.

Шайтан, почему я хотела, чтобы он меня раздел?! Это неправильно, все неправильно! Нужно встать, поправить прическу и вернуться в гостиную, к гремевшей музыке, но я не могла.

Сладкий запах парфюма Лотеску кружил голову. Не заметила, как практически расстегнула на нем рубашку. Я, всегда

отличавшаяся здравомыслием!

– Хочешь, я их прогоню? – шепнул искуститель и прикусил мочку моего уха.

Я сидела у него на коленях.

Мы как подростки – на кухне, второпях...

Захихикала, чем немного озадачила Лотеску.

– Что, и мэра прогонишь?

Не иначе, шампанское ударило в голову, хотя я выпила от силы пару бокалов.

– Кого захочешь, – без тени иронии заверил Лотеску. – Лишь бы ты осталась. Я целых десять лет ждал!

– Три года, – упрямо поправила я и позволила бретельке скатиться с плеча. – Напоминаю, один раз мы уже переспали.

– Ты со мной не спала, – стоял на своем хассаби, – только твое пьяное тело.

– Два пьяных тела, – вновь глупо хихикнула я и чуть не задохнулась, когда Лотеску, осторожно сняв накладки, коснулся губами моей груди.

Дальше... Дальше только каким-то чудом на мне остались трусики, хотя свидетели ледовый шкаф и кофемолка, я бы их сняла и вручила как трофей победителю.

Как же мне было хорошо! И как легко. Впервые после Тайрона я ощущала себя счастливой. Не имело значения, где мы, что в любой момент на кухню могут войти. Мне словно снова стало семнадцать, я превратилась в восторженную девушку, только в отличие от юных дев знала, чем грозит близость без

презерватива. Нет, можно не останавливаться, купить завтра в аптеке «Затин», но он вреден для здоровья, лучше не увлекаться. И когда Лотеску расстегнул брюки, я спохватилась, послала его за презервативом.

А после... После сбежала.

– Так как, госпожа ишт Мазера? – вернул меня к реальности голос хассаби. – Время идет.

– Толку-то? – кисло отозвалась я. – Вы все равно меня уволите.

– Не я, а Огнед, – поправил Лотеску.

– Э нет, хассаби, именно вы! Не преуменьшайте свои заслуги.

Право, зачем размазывать сопли? Извинения ему не нужны, он их не примет. Я могла хоть на коленях ползать, бесполезно. Итак, меня уволят, это факт. Раз так, можно не стесняться и говорить все, что думаю.

– Да куда мне до ваших, Магдалена! – язвительно заметил Лотеску и нарочито медленно, явно издеваясь, вытянул из-под пресс-папье лист бумаги. Какой именно: чистый, для взыскания или увольнения, – отсюда не разглядеть. – Хотя вас послушать, мной девочек пугать можно! С вами-то я что собирался сделать? Надругаться и бросить?

– И то, и другое, можно без хлеба.

Страх не осталось. Мне было плевать, что через обещанные десять, теперь уже меньше минут, меня вышвырнут из

столичной Карательной. Гордо выпрямив спину, скрестив руки на груди, я смотрела прямо в глаза Лотеску. Так и подмывало эффектно швырнуть ему лицо удостоверение, но я не терпела театральных жестов. Да и слишком тяжело мне далось место начальника отдела, чтобы добровольно от него отказаться. Нет, пусть увольняет, а я в суде приказ оспарю. Недочетов, видишь ли, в работе отдела много! Так не при мне случились, пусть прежний начальник за свои ошибки отвечает. И гадалку я найду. Заберу контрамарки, заодно пошныряю за кулисами. Жаль, второй билет пропадет, купленный на свои кровные, но Королевский театр всяко лучше остальных, без зрелищ не останусь.

– Бросать – по вашей части.

Глаза хассаби прищурились, пальцы смяли бумагу.

Воздух буквально искрился от напряжения. Хорошо, Лотеску защиту активировал, а то бы кто-то безвинно пострадал.

– Ой ли? – подняла брови и дерзко поинтересовалась: – Вам количество прежних пассий напомнить? В среднем с каждой вы...

– Если ты сейчас же не заткнешься, я тебя придушу! – прошипел Лотеску.

Лицо его побелело от гнева, под кожей гуляли желваки. Рывком встав на ноги, он навис надо мной. Глаза потемнели, сверкали как у дикого зверя.

Лотеску сделал шаг вперед. Пискнув, отпрянула, едва не

запнувшись о ножку некстати попавшегося на пути стула.

– Что, – злорадствовал тенью следовавший за мной Лотеску, – страшно? Уже не дерзишь?

Медленно, но верно он загонял меня в угол. В конце концов я уткнулась спиной в дверцы книжного шкафа.

Мысли лихорадочно метались в голове.

Вырви ведьме глаз, он действительно меня убивать собрался?! Если да, шансов у меня маловато. Нужно первой бить в пах или по коленям и бежать... И тут я вспомнила, что бежать-то некуда, разве только из окна прыгать. А там пятый этаж, гарантированная смерть.

Однако Лотеску не спешил дать волю рукам. Он вообще ко мне не прикасался, всего лишь встал так, чтобы я не могла проскользнуть мимо. Кажется, даже немного успокоился, вон желваки улеглись, пальцы в кулаки больше не сжимались.

А кольца действительно нет. Странно!

– Когда ты пропала, – глядя мимо меня, на книги, издавека начал Лотеску, – я решил, что-то случилось. Ты не отвечала на вызовы, я полицию на уши поднял, а в итоге...

Он досадливо махнул рукой и, наконец высвободив из ловушки, отступил в сторону, потребовал:

– Извинись! Хотя бы это сделай, если на другое духу не хватает.

– Вам не нужны слова, – покачала головой я и украдкой смахнула со лба капельку пота.

Да и прощения я уже попросила.

– Не нужны, – подтвердил мои догадки Лотеску и, будто минуту назад не метал громы и молнии, развалился на кожаном диване. – Думайте, Магдалена! У вас осталось, – он мельком глянул на вмонтированные в наручные диктино часы, – пять минут. Не так уж мало!

Кусая нижнюю губу, – вредная привычка, от которой так и не смогла избавиться в минуты волнения, – гадала, что ему нужно.

Пальцы потянулись к верхней пуговице блузы и замерли.

Нет, Магдалена, унижение за унижение. Тебе достаточно ясно намекнули, что ты должна сделать. Вовсе не расстегнуть блузку и предложить себя. Все, поезд ушел, ты ему больше не интересна. А вот неполученное удовольствие требовать надо. О, месть выдалась бы на редкость омерзительной и изощренной! Судя по гаденькой улыбке, блуждавшей по губам Лотеску, думала я в верном направлении.

– Пяти минут мне явно не хватит, – буркнула я и предупредила: – В последний раз я занималась подобными вещами в студенческие годы. Моему тогдашнему парню не понравилось, вы тоже не взыщите. В университете, знаете ли, женщин другому учат. И, – глубокий вздох, смирение с неизбежным, – незачем было тратиться, цветочки посылать. Их проституткам не дарят.

– Магдалена... Ты действительно?..

Лотеску мастерски разыграл удивление, когда я опусти-

лась на колени, потянулась к брючному ремню. Дотронуться до него хассаби не позволил, перехватил мою руку и силой усадил рядом на диван.

– Я, по-твоему, подонок? – прошипел Лотеску.

Пальцы стиснули запястья не хуже кандалов, никакой возможности вырваться.

Ноздри вновь трепетали от гнева. Спрашивается, с какой стати? Разве Лотеску сам практически прямым текстом не намекнул, каким образом мне надлежало просить прощения?

– Я хотел совсем другого. Того, чтобы ты наконец признала... А, толку-то!

Лотеску отпустил меня и порывисто поднялся. Обескураженная, я таращилась на его спину. Да что ему нужно, в конце концов!

– Хорошо, я прощу, – после затянувшегося молчания смиловился хассаби и даже повернулся ко мне лицом. Само спокойствие и невозмутимость. – Хотя вы сделали мне очень больно, госпожа ишт Мазера. Гораздо больнее, чем вы думаете. Но, вижу, вы сами себя наказали, так что будем считать инцидент исчерпанным. Касательно вашей работы я тоже придираюсь не стану, всего лишь требую выполнения должностной инструкции. Поэтому приводите себя в порядок и доложите, что там с пропавшим трупом. Ничего вразумительного от других я пока не услышал, на вас вся надежда. Не зря намекнул ишт Брокару вас пригласить, как чув-

ствовал!

Открыла и закрыла рот. Да обходится что-нибудь в королевстве без Эмиля Лотеску?!

– Магдалена! – Моя реакция его от души позабавила. – Право, я не мстительное чудовище, решил чуточку вам помочь. Вдобавок ишт Брокар так забавен в своем желании навязаться мне в приятели, грех лишний раз не полюбоваться на его подобострастное лицо. Садитесь!

Лотеску отодвинул мне стул.

– Там ничего нет, ни проклятий, ни выстреливающих ядовитых игл, – видя, что я колеблюсь, добродушно рассмеялся хассаби.

Вот так он дважды за десять минут вышел победителем. Ну а я дважды оказалась в неловком положении. И обвинить-то его не в чем, наоборот, Лотеску проявил редкостное благородство.

Виновато потупив взор, устроилась на самом краешке стула и, все еще не веря, уточнила:

– Вы действительно не сердитесь?

Лотеску чуть помедлил с ответом. Значит, не все так просто.

– Что толку, Магдалена? Вас не переделать. Хотя, не стану скрывать, попадись вы мне еще три года назад, так легко бы не отделались. Все еще не замужем? – неожиданно спросил он и отправил в мусорное ведро остатки истерзанного листа.

Вместо отвела развела руками и запоздало поздравила

бывшего начальника с изменением семейного положения.

– У вас прекрасная супруга! Я видела ее. Искренне поздравляю!

– Угу, прекрасная, – без особого энтузиазма поддакнул Лотеску. – Амели Райне, племянница министра финансов. После смерти отца как единственный ребенок унаследует титул баронессы.

Ничего не понимаю! Ему бы порадоваться – идеальная супруга, как раз для амбициозного хассаби, а Лотеску... Ну да у каждого свои тараканы. Я вот не могла эту самую Амели видеть.

– То есть вас можно поздравить вдвойне, хассаби, ведь вы тоже станете бароном.

Если я ничего не путаю, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола супруг старшей дочери наделялся ее титулом.

– Давайте о деле, Магдалена! – скривился Лотеску.

Ему явно не хотелось обсуждать свою личную жизнь. Мне, если честно, тоже, поэтому я радостно сменила тему, втайне надеясь на то, что интерес Лотеску к пропаже поможет участию в расследовании. Считайте меня ненормальной, но отдавать все на откуп полиции я не желала.

Глава 8

Встреча с Лотеску оставила после себя смешанные чувства, а заодно заставила пройти все пять знаменитых стадий. Правда, до принятия я так и не дошла, остановилась на злости. Она накрыла меня в приемной хассаби. Секретарь, наверное, приняла меня за сумасшедшую, ведь Лотеску попросился со мной мирно, даже проводить изволил. Мне же хотелось взять кружку горячего кофе и выплеснуть ему в лицо.

– Надеюсь, с вашим приходом дела наладятся, – сухо, официально высказал пожелания он и, помолчав, неожиданно добавил: – Проявите осторожность.

Только что я закипала от гнева как старый чайник, а вот уже, хмурясь, оторопело уставилась на него. Сначала подумала, речь о наших отношениях, но быстро сообразила, ничего такого Лотеску в виду не имел. Да и какие отношения? Один только что унизил другого по полной программе, а после изображал благодушного начальника. Вторая сначала не знала, куда глаза девать, потом шипящим шепотом посылала его к шайтану. Вон секретарь теперь с осуждением косится. Для нее Лотеску едва ли не божество, а я, негодная, смею посылать его в пешее эротическое. Хассаби тоже не глухой, слышал мое бормотание, но не подал виду. Собака лает и всякое такое.

– Я не словарь иностранных слов, госпожа ишт Мазера,

нечего на меня так смотреть.

Скорчила гримасу. Ну да, куда нам без сарказма! Поняла, осознала свое место.

– Постараюсь, хассаби.

Пусть тоже помучается, гадает, о чем я.

Окинув быстрым взглядом приемную, Лотеску задумался и попросил готовую услужить королеву красоты за секретарским столом:

– Сдвиньте совещание на пятнадцать минут и накапайте госпоже ишт Мазере успокоительного. Если хассаби Огнед еще здесь, пусть зайдет.

Так, на какой я там стадии? Гнева? Видимо, придется переходить к принятию, пока мне не заказали смирительную рубашку.

Потом до меня дошло: столь нехитрым образом Лотеску выторговал пару минут для приватной беседы.

– Только два совета, Магдалена, – взяв меня за локоток, тихо, держа в поле зрения секретаря, произнес хассаби. – Первый – эмоции. Разберитесь уж как-то с ними. Второй – осмотрительность. В некоторых случаях недоговаривать – полезная привычка.

И все, никаких пояснений.

Поблагодарив, в сомнении уточнила:

– Держать вас в курсе?

Лотеску пожал плечами.

– Не вижу смысла.

Только во взгляде читалось совсем другое. Пропавший труп его заинтересовал.

В холле я вновь столкнулась с начальником. Огнед мельком скользнул по мне взглядом и быстрым шагом направился в приемную Лотеску. Ну а я поехала в театр. Не пропадать же контрамарке! Вряд ли когда-нибудь я сумею достать билеты на премьеру самой ишт Скардио. Мой удел – партер театров попроще. По правде, меня влекла туда вовсе не любовь к опере, но вспомним совет несносного южанина, проявим осторожность. Зато с такой нехитрой ложью я быстро войду в доверие к служащим. Вряд ли они окажутся столь же откровенны, если я заявлюсь за кулисы официально. А так всего лишь очередная поклонница Женевьевы ишт Скардио жаждет приобщиться к местам, где ступала нога ее кумира.

* * *

Королевский оперно-драматический театр днем и вечером, в часы спектаклей, – совершенно разные вещи. Сейчас он спал, прятал до поры блеск хрустальных люстр.

Потянув за массивную бронзовую ручку, с трудом открыла массивную дверь. Спрашивается, зачем такие в театре? Это же не крепость! Или его строили с учетом нападения на королевских особ? Сомневаюсь, будто даже маг справится с цельной древесиной в три-четыре дюйма.

В вестибюле было прохладно и пусто. Уборщица с везде-

сущим ведром, и та отсутствовала.

Проход в фойе закрывали натянутые между столбиками бархатные канаты. Перед спектаклями их убирали, и зрители могли беспрепятственно пройти к гардеробу. Вот он, темнеет справа и слева от ряда белоснежных колонн.

Зато кассы работали, окошко администратора тоже открыто. К нему я и направилась, собираясь сыграть очередную маленькую роль. Столько же их на моем счету! За время службы в Карательной инспекции мне приходилось притворяться и горничной, и рассыльной, и светской львицей. Помнится, как-то даже мужчину изображала. Все ради успешного завершения дела и премии по его итогам. Да, я люблю деньги. Пожалуй, больше всего на свете, потому как на деньги можно купить все, а вот без них... Да простят меня адепты теории «был бы милый рядом» и рая в шалаше, я предпочитала твердо стоять на ногах и питаться едой, а не признаниями в любви.

– Добрый день!

Тактично постучала по окошечку, привлекая внимание поедавшего домашний салат мужчины неопределенных лет с лысиной на полголовы. Он неохотно оторвался от еды и недружелюбно буркнул:

– Обед!

– Не поздновато ли? – съязвила в ответ. – Или вы грудной младенец, чтобы есть по пять раз на дню?

Знаю, не стоило, но безумно раздражали подобные субъ-

екты. Ну оторвись ты на пять минут от своих огурцов, реши мою проблему и ешь-спи дальше. Не подумайте, я уважала чужое право на отдых, но расписание черным по белому сообщало, что администратор с ним припозднился. Часа этак на два.

– Билетов нет. Зря стараетесь! – мстительно осклабился администратор, но таки отложил миску в сторону.

– Вообще нет? Ни на что?

Разожженный Лотеску пожар все еще тлел, и мстительный старикашка – теперь, когда он нацепил очки, стало ясно, ему лет шестьдесят, – рисковал вместо восторженной фиалки получить огнедышащего дракона. Мне даже сдерживаться не хотелось, наоборот, я жаждала выпустить пар наружу.

Эмоции. Нужно контролировать эмоции.

Легко говорить, а как сделать? Особенно, когда тебе откровенно хамят, норовят захлопнуть окошечко перед самым лицом? Пришлось отчаянно бороться за право проникнуться местной культурной жизнью, проще говоря просунуть в щель плечо. Ладонь побоялась: с администратора станет ее сломать!

– Что вы себе позволяете?! – Мужчина аж покраснел от гнева. – Немедленно покиньте помещение театра! Я... Я сейчас охрану вызову!

– Зовите. – Напугал так напугал! – С удовольствием с ними побеседую, а результаты опубликую на первой полосе. Как, нужна вам такая реклама?

Не спору, могла бы сверкнуть удостоверением, но этот козырь приберегла напоследок. И правильно. Администратора не соблазнила перспектива стать звездой на час, и он сменил гнев на милость, буркнул:

– Ну, чего вам?

Так бы с самого начала, а то «обед», «билетов нет»!

Удовлетворенно кивнув, убрала плечо и назвала кодовую фразу:

– Женестьева обещала мне контрамарку на премьеру. Она сказала, вы организуете.

– Женестьева? – нахмурился администратор.

Ржавые колесики в его голове закрутились.

– Ну да, – беззаботно поддакнула я. – Госпожа ишт Скардио. Мне представил ее граф Фондео, я его давняя знакомая. Она ведь оставила вам записку насчет Магдалены? Магдалены ишт Мазеры.

Я рисковала. И не только потому, что представилась давней подружкой местного мецената. Это-то не проверишь. Нет, опасалась я вовсе другого. Дива могла пообещать и не сделать. Сколько таких, как я, на всех контрамарок не хватит. Вдобавок Брокер тогда вынудил ее согласиться, сама бы она не предложила. А уж после истории с трупом я и вовсе наверняка оказалась персоной нон-грата. Однако я дурно думала о певице. Контрамарку на мое имя оставили и не на галерку, не в задние ряды, а в ложу директора театра. Однако! Администратор почтительно отдал ее и объяснил, где та са-

мая ложа находится. Он отчаянно заискивал – типичное поведение человека, уважающего только должности и титулы.

– Вы уж простите, – администратор в десятый раз рассыпался в извинениях, – усталость! Работа нервная, а тут премьеры... Вы бы знали, госпожа, сколько людей норовят бесплатно прорваться, времени поесть нет! Вот только-только последних халявщиков выпроводил, присел, а тут вы...

Заверила, что не сержусь, и, воспользовавшись моментом, попросила разрешения пройти за кулисы. Вдруг Женевьеву застану? По правде, я, наоборот, планировала ее не застать. Так и вышло. Прима отбыла домой после репетиции с час назад. Неприятность какая! Но ничего, я ей записку оставлю, через гримершу или костюмершу передам. Они-то здесь? Вот и прекрасно.

– Разумеется, вам туда можно, – заверил администратор. – Как ни пустить знакомую самого графа! Премного ему благодарны за все, так и передайте.

– Всенепременно. Мы встретимся на днях, – беззаботно вернула я, радуясь чужой наивности.

Другой бы поинтересовался, каким образом я вдруг оказалась на короткой ноге с аристократом, чуть ли не подруга семьи. Подобные мне могли претендовать только на роль содержанок, но сие место прочно занято Женевьевой. Но администратор был глуп как пробка, чем я нагло воспользовалась. По полной программе, так сказать. Заперев окошечко и велев кассиру в случае надобности себя подменить, он

проводил меня в театральное фойе, объяснил, как пройти в святая святых, вдобавок предупредил охрану, чтобы не мешали и беспрепятственно выпустили. Как же, ведь это сама подруга великой Женеьевы и графа Скардио! Чтобы соответствовать, важно надувала щеки и кивала.

Даже сейчас, без блеска огней, убранство театра впечатляло. Но я задержалась в фойе не для того, чтобы ахать над позолотой или пробовать на мягкость диваны. Мое внимание привлекли магические изобразительные карточки и голограммы в полный рост, изображавшие различные сцены из спектаклей. Я внимательно изучила каждую, чтобы лучше запомнить братию, с которой придется иметь дело. Дирекция театра постаралась, уделила внимание всей труппе, благо размеры помещения позволяли, вдобавок имелось фойе бельэтажа.

Эдвин, Женеьева, тогда еще блондинка и... Тут я нахмурилась. Может, у меня галлюцинации, но это пропавший труп! Те же каштановые, чуть выющиеся волосы, треугольное личико. Она стояла третьей справа за спиной Женеьевы, в числе то ли хористок, то ли танцовщиц – сразу не разберешь.

А ведь я могла пройти мимо, не заметить... Какое везение! Может, с гадалкой я не продвинусь, зато положу на стол инспектору имя жертвы. Как там опера называлась? Ага, «Превратности любви». Осталось выяснить, кто задействован в массовке – и дело в шляпе.

Изрядно повеселев, направилась дальше, в служебные по-

мещения.

Прежде мне никогда не приходилось бывать за кулисами. Подумать только, вечером этот пыльный занавес поднимается, на чуть поскрипывающих досках творится волшебство!

Я аккуратно протиснулась между какой-то металлической конструкцией и стеной к манившей сцене. Времени довольно, ничего не случится, если я хотя бы одним глазком гляну, почувствую себя актрисой. Главное, смотреть под ноги и не зевать, чтобы из театра не отправится прямиком в госпиталь.

Сердце забилося чаще, когда я сделала первый шаг навстречу темному зрительному залу. Это оказалось... Словом, ни на что не похоже. Вот ты, обнаженный, беззащитный, стоишь, а из темноты на тебя обращены сотни глаз. От них не скрыться, они со всех сторон: справа, слева, спереди, даже сверху. Сейчас кресла и стулья пустовали, но по коже все равно бегали мурашки. Как только артисты справляются?!

Зал напоминал спящее чудовище. Гигантскую дыру, в которую так легко провалиться.

Выровняв дыхание, прошлась из стороны в сторону.

Ну и ну, Магдалена, богатая же у тебя фантазия!

И все же какой объем! Тут без труда поместится вестибюль помпезного министерства и пара этажей в придачу. Партер, бельэтаж, ложи, ярусы... А внизу, за обрывом сцены – оркестровая яма. Поддавшись любопытству, наклонилась, чтобы рассмотреть ее лучше.

– Осторожнее! Вы можете упасть!

Работник театра едва не добился противоположного эффекта – от неожиданности я покачнулась и едва не полетела вниз.

– Уфф, как же вы меня напугали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.